

Светлана Кекова

*нездешний
гость*

стихотворения

нездешний гость

Светлана Кекова

Светлана Кекова
НЕЗДЕШНИЙ ГОСТЬ

СВЕТЛАНА КЕКОВА

НЕЗДЕШНИЙ ГОСТЬ

Стихотворения

Водолей
Москва
2016

ББК 84(2Рос=Рус)6

УДК 821.161.1

К33

В оформлении использована работа *М. Врубеля*

Художник *О. Сетринд*

ISBN 978-5-91763-310-7

© С.В. Кекова, 2016

© О. Сетринд, оформление, 2016

© Издательство «Водолей», оформление, 2016 /

НАКАНУНЕ ПОКРОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1.

Со мной ведется тайная игра:
сидит пчела на кончике пера,
а на плече тоскует Филомела,
и к Магомету движется гора
для приобщенья к теплым тайным тела.
Вот дерево растет. На нем – омела
в короне ягод белых. И кора
землею стала. Если б я умела
жизнь поглощать, как черная дыра,
я б выросла, и сделалась стара,
и потеряла все, что я имела,
и гладила бы дерево, как тело
усталое вдоль нежного ствола.

2.

Хвала ветвям и листьям, и хвала
худым корням, бредущим по дороге
с упрямством деревенского вола
к худой реке, чьи берега пологи;
в реке вода танцует, как юла,
уничтожая плоть свою в итоге
движений безрассудных. Так смела
и я была когда-то – я спала,
вокруг меня соединялись слог
в слова простые, и объятий мгла
произрастала в слове и цвела.
Во сне я слову поклонилась в ноги.

3.

Все, что хранится в мертвом бычьем роге
и в крохотном растительном ларце,
и в бабочке – печальной недотроге,
в ее летящем маленьком лице,
и в голубе, лежащем на пороге,
в шкатулке мака, в вести об отце,
идушем по сияющей дороге,
все, что зажато в Божией руке,
печатью сострадания и тревоги
отмечено. Так в жертвенном тельце
играет кровь. Но он уже в конце
пути – он у подножия тревоги.

4.

Вот так и мы вернулись в отчий дом,
прошли сквозь нас неведомые воды,
но раны их не затянулись льдом
и не погибли ангелы свободы,
и тот, кто вел меня, – тот мной ведом.
Мы миновали горные породы
внутри пещер раскатистых, как гром,
нас провожали сойки и удода
и цапли. Нам скворцы читали оды.
Но, как приставший к берегу паром,
в молчанье дня остановились годы.

5.

И нашим детям ведом тайный стыд,
то накопленье первобытной тяги,
с которой тела обнищавший скит
стоит, сутулясь, у подножья влаги.

Его душа не плачет и не спит,
не просит смерти в приступе отваги,
но, словно скальд, в сетях беззвучной саги
запутавшийся, падает на щит,
и белые выбрасывает флаги,
и оставляет слово на бумаге,
как сладкие горошины лушит.

6.

И ты, мой брат, не помнящий родства,
ко мне вернулся, но играешь в прятки –
так ангел накануне Рождества
на бедном платье расправляет складки.
Любви вредит избыток мастерства,
любовь не крест, а только тень креста,
и в воздухе колеблется листва,
плывут ее телесные остатки
в бессмертное томленье вещества,
и губы листьев холодны и сладки.

7.

И губы листьев холодны и сладки,
как холодны и сладки облака,
они плывут, их память коротка,
их не томят земные неполадки,
на мельнице рассыпана мука,
и улей спит внутри пчелиной матки,
и знания чудесные зачатки
в себе скрывает дерева рука,
и из молчанья, как из тайника,
нам явлен мир подобием загадки
в непостижимой маске языка.

...Адама охватило ликование,
когда он Книгу Бытия прочёл.
Он ввёл в простую ткань существования,
а, может быть, и в ткань повествования
фрагмент из жизни медоносных пчёл.

Предмет и слово были для Адама
единой сутью. Он не различал
двух планов жизни, двух её начал,
тревожных и простых, как звук тамтама.
Адам следил за тем, как из дупла
таинственные пчёлы вылетали,
рассматривал какие-то детали,
которыми украшена пчела:
вот усики, вот лапки, вот крыла,
вот хоботок подвижный – и так дале.

Роились непонятные слова
вокруг Адама; жалили, жужжали,
но каменные ждали их скрижали –
там, на Синае, в глубине времён,
где он, Адам, грехом своим пленённый,
был смертным мёдом жизни опьянён...

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Объятия были пылки... Но в море – посмотри –
качаются бутылки с записками внутри.

А те, кто их писали, лежат в доме костей
и ждут, чтоб их спасали от их бывших страстей.

Любовь на брачном ложе палит таким огнём,
что мы с тобою тоже объятия разомкнём.

Шумят платанов кроны, всю ночь гудит прибор,
и раздаются стоны из бездны голубой.

2.

Неужели, о Боже, это видела я –
солнце, брачное ложе, золотая ладья?

И солёные волны за высокой кормой,
и в хитоне просторном ты, возлюбленный мой.

Тех, кто молод и беден, не пускай на порог:
плод познания съеден, как творожный сыр.

Ночью тёмной листвою шелестит кипарис...
Оглянись!
Я не стою даже кожаных риз.

3.

Плода запретного вкушение,
Тоска, и мука, и вина...
Обломки кораблекрушения
На берег вынесет волна –

Ковры, торшеры, кресла дачные,
Цветастые половики,
Размокшие контракты брачные
И тени рыб со дна реки.

И жёны, бытия виновницы,
Чтоб завести в домах уют,
Из листьев мяты и смоковницы
Своим мужьям одежду шьют.

...и ангел с мечом огневидным не явлен,
и страж у сердечных ворот не поставлен,
не куплены свечи для праздника речи,
но листья целуют усталые плечи,

остались планеты на старых орбитах,
вода серебрится в стаканах разбитых,
в воде серебристой дробится луна.
Несчастливая Ева осталась одна.

Дробится луна, отражаясь в осколках,
пылится посуда на каменных полках...

Как тянет из комнаты запахом пряным!
Мы будем следить за безумным Адамом:

воздушную он разрывает завесу,
бежит, задыхаясь, по темному лесу,
слова – как вода на его языке,
бесшумные рыбы плывут по реке.

Еще не явился в печали и гневе
Господь Вседержитель Адаму и Еве,
и ангелы меч огневидный несут:
но всё совершилось – прощенье и суд.

КОРОТКИЕ ПИСЬМА

Как печален жених, говорящий своей невесте:
«Уберем светильник, сияющий в темном месте,
да, во всем подобен он нашим телам и душам,
уберем светильник, случайно его потушим».
Но, почувствовав вдруг дуновенье иного ветра,
не огонь, а жизнь разгорается в стиле «ретро»,
и любовь становится просто стеклянным звуком,
а наука страсти – подобно другим наукам –
не исканье истин, а эхо имен случайных
в лабиринтах тела, в его закоулках тайных.

Твой случайный спутник в постели был пьян и весел.
Сеть из лунного света рыбак над водой развесил.
Как он мучил женщин, как долго он жил на свете,
чтобы тени рыб попадали в такие сети!
Утоленья жажды, томление тел бездомных
или тени птиц в бесконечных глубинах темных,
или сонмы душ, проходящих свои мытарства,
что когда-то ночью венчали тебя на царство.

Перед Богом мы оправдаться ничем не можем –
ни чужой любовью, ни собственным брачным ложем,
ни потоком слез на дороге пустой и пыльной,
ни зажатой в горсть материнской землей могильной.
Как младенец в чреве, в гнезде засыпает птица,
и в твоём лице проступают чужие лица.

Ты водой соленой во мне разжигаешь жажду.
Я ищу блаженства, но в этом блаженстве стражду.
Для страдания, впрочем, всегда остается место.
День уже обвенчан, и ночь ли – его невеста?
Их любовь связала огнем голубым и беглым,
а закат сегодня как будто подернут пеплом,
потому что, милый, надежда на рай безумна,
потому что время над миром течет бесшумно.

Омывают смертных струи его, потоки.
Твой жених сквозь слезы такие читает строки:
«Ключ торчит снаружи в неплотно прикрытой дверце,
дом дрожит от стужи, любовь разрывает сердце»...
Все пространство жизни пронизано этой дрожью,
откровенной ложью, надеждой на милость Божью.
По ночам глаза твои Путь отражают Млечный,
а в сосуде тела душа – как огонь увечный
или как волна, у которой изгибов много,
но она одна отражает не смерть, а Бога.

На земных поминках, на звёздной гризне
слышен плач Адама о древе жизни.

В городских кварталах, в квартирах тесных
льются реки слёз о плодах небесных.

И мечтает ветер – стратег и тактик –
донести тот стон до других галактик.

Я сквозь звуки флейты и вой тамтама
слышу тихий плач дочерей Адама,

мечет небо молнии, катит громы,
давят девы сок из пенджабской сомы,

но к чему рыдать Антигоне, Федре,
о платане, яблоне, дубе, кедре?

Да, смиритесь, смертные, с долей тяжкой.
Вьётся легкий дым над кофейной чашкой.

Только Мать Младенцу пеленки гладит,
и твердит: «Мой Сын виноград рассадит,

и его соцветия, листья, лозы
у детей Адама осушат слезы»...

Внезапно рыбы покажут спины
и вновь в морские уйдут глубины.
Держа в объятиях круг гончарный,
идёт по миру владыка глины.

Он молча мир созерцает тварный,
он слышит – поезд гремит товарный.
а в небе месяц висит двурогий.
и лист грызёт шелкопряд непарный.

Идёт по миру гончар убогий,
его, наверно, зовут Евлогий,
скрывая жизни запас недельный,
за ним шагает сосуд скудельный.

Взошёл Евлогий на холм пологий,
увидел сверху свой путь опасный –
и обнял нежно кривой, безногий
сосуд скудельный из глины красной...

В этом мире беден и случаен
Жалкий плод пяти неверных чувств.
Говорят, что хлебопашец Каин –
друг наук и сеятель искусств.

Авель мертв. Беззвучно льется время,
словно с неба – жаворонка трель.
Говорят, что Каиново семя
приручило гусли и свирель.

Важно не забвение, не память,
а уменье молча слезы лить.
То, что ночью я должна восславить,
может утром Бог испепелить.

Только Бог – любовь, а не угроза
и спасенье от любых оков,
Только солнце алое, как роза,
смотрит из-за серых облаков.

У прошлого запах укропный – и мне не сносить головы.
Смеркается. Зверь допотопный выходит из темной травы.

Ни страха, ни плотского пыла, ни плоской звезды в кулаке –
сорвем ли кукушкино мыло и спустимся к мелкой реке,

возьмем ли себя на поруки, сойдем ли случайно с ума, –
Саратов, Великие Луки, Москва, Петербург, Колыма

плывут по течению половой, корой и древесной трухой,
а волны горы Соколовой покрыты сиренью сухой.

Шиповника нежная рана видна сквозь нетающий снег.
Двадцатого, в месяц нисана, Господь остановит ковчег.

И ты, очарованный странник, изгнанник и вечный изгой,
увидишь звезды многогранник
сквозь ставни с тяжелой резьбой.

Ты Библос увидишь, и Фивы, и крикнешь, как Ной, в пустоту,
что листья двудомной крапивы у голубя сохнут во рту.

Что Ноя послушное семя приветствует ангелов рать,
а нам – сквозь пространство и время
друг друга по имени звать.

ДВА РАЗГОВОРА О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

1.

Это неба полотенце. Это речка. Это лес.
Это тихий плач младенца. Это ангел. Это бес.
Это вышиты на ткани солнце, звезды и луна.
Это жизнь моя на грани то ли смерти, то ли сна.
Волк, как ветер, завывает. Как луна, вода блестит.
Бог лицо от нас скрывает. Мать дитя свое растит.
Это травы зреют в поле, это зверь живет в неволе,
привыкая к новой роли, в небе бабочка гостит.
Ах, давно ль она дрожала, потому что червячком
на сырой земле лежала то ли навзничь, то ль ничком?
И имела вид наивный, и смеялась надо мной,
а теперь, как ангел дивный, держит крылья за спиной.

2.

Это чистая тарелка. Это ложка. Это ложь.
Это страшно. Это мелко. (Слов во тьме не разберешь.)
Тьма закрыла свет, как штора. Ночь на улице шуршит.
Тонкой ниткой разговора воздух в комнате прошит.
Я ребенка пеленаю, тихо плачу и молчу.
Помнишь? Помню. Знаешь? Знаю. И заплатишь? Заплачу.
Чем заплатишь? Звездной пылью, молоко из чашки вылью.
За спиною пряча крылья, ангел дует на свечу.
Как спокойно и бесстрастно Бог пускает время в рост!
Безвоздушное пространство служит пищею для звезд.
Ночь – кормилица и нянька – с головой укрыла твердь.
Человек, как Ванька-встанька,
погружен то в жизнь, то в смерть.
Я лицо росой умою, чтоб глаза мои закрыл
ангел с траурной каймою по краям лазурных крыл.

Кем мне дар завещан слёзный?
Год прошел, как день морозный,
а потом еще один.
Гость ко мне спустился грозный –
моей жизни господин.

Не с вершин спустился горных,
как сияющий поток,
а от слез моих упорных
выпил времени глоток.

Развивает ум и гибкость
и влечет меня вперед
время – огненная жидкость,
обжигающая рот.

Увеличиваясь в росте,
оттого, что жизнь проста,
воробей подносит гвозди
на Голгофу для креста.

Полон рот гвоздей железных
и житейской суеты,
полон звуков бесполезных,
слёзных жалоб, жалоб слезных –
и в металле отлиты

воробей, тоска, хвороба,
слово «смерть», любовь до гроба,
Колыма, казенный дом,
в темном небе свет тревожный,
гость нездешний, невозможный,
гость с оторванным крылом...

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

1.

Я не пойму, сновидец иль мертвец
В тебе живет. Пастух пасет овец,
В горах слышны глухие стоны бури,
И ночью воет волк в овечьей шкуре,
А небеса звериным колесом
Вращаются, и воздух невесом,
Покуда ты бормочешь, спишь и плачешь.
А над тобой, не ведая стыда,
В петле воздушной мертвая звезда
Еще висит – и ты за это платишь.

2.

Не знаю я, чей дух в тебе живет,
Но голосом и грешным и невинным,
Огнем сухим, терновником пустынным
Тебя земля по имени зовет.
Да, труден путь и тяжела узда
Для смертных тел, и непосильно иго
Закона, и небес открыта книга –
В ней кровью наливается звезда,
И свет ее приобретает вес,
И падает, как камень у порога, –
Так каждый звук немислимых словес
Летит от уст неведомого Бога.

3.

Жизнь, как стакан, насыщена до дна
Летучей влагой смерти. И одна
Заблудшая овца, отстав от стада,
Лежит в пыли. Ей ничего не надо –

Ни пастыря, бредущего в ночи
За блеющим, мохнатым, тонкорунным
Послушным стадом (тонким светом лунным
Кропят друг друга сонные грачи),
Ни сладких трав не надо, ни воды,
Ни солнца, ни награды за труды,
Ни маленького тёплого ягненка.
А в воздухе позвякивают тонко
Синицы, остроглазы и худы.

4.

Я трижды отвергала дар небес.
И вот теперь в невидимой проказе
Лицо мое и тело. Розы в вазе
Стоят, как алый и колючий лес.

Но Бог меня опять целует в лоб –
И вновь из тела рвется ангел пленный,
И вижу я любви отверстый гроб,
И в нем ничком лежит
мертвец нетленный.

И легкий нимб над головой, и свист
Зовущей Бога иволги летучей,
И в форме сердца сотворенный лист,
И молния меж тучею и тучей –

Все говорит о том, что смерти нет,
Что снизу вверх восходит некий свет,
Мятущийся, рассеянный и странный,
Рожденный телом неживым в ответ
На то, что было жизнью безымянной.

5.

Кто был потерян, будет обретен.
Кто потерял, тот и найдет пропажу –
И тысячи воздушных веретен
Весь день плетут невидимую пряжу.

Кто падал так, что был не в силах встать,
Кто умер и забыл слова молитвы,
Кто по ночам не спал, но, словно тать,
Шел на разбой с ножом острее бритвы,

Кто был в аду и чья горела плоть,
Кто шел путем глухим и многотрудным...
За каждым смертным следует Господь,
Как тень отца за бедным сыном блудным.

Над вершиной местного Синая
Облако висит на волоске.
Жизнь моя растет, напоминая
Город, возведенный на песке.

Если дождь лавиной влажной рухнет
И постройки жалкие снесет,
Если свет в окне твоём потухнет,
Бог меня, убогую, спасет.

Он уже не скажет слов обидных,
Молча пустит на чужой порог –
В дом, где копыя молний огневидных
Молча мечет Илия-пророк.

На полях забвения хлеб не скошен,
На воде не зыблется тень весла,
И забыто прошлое, и заброшен
Инвентарь рыбацкого ремесла.

Где кухарки, прачки и белешвейки,
Кузнецы, оратаи, рыбаки?
В запылённом скверике на скамейке
В золотых коронах сидят цари.

Не дожить им, видимо, до получки...
Дождь стучит по косточкам домино.
А принцессы – плаксы и белоручки
В белоснежных блузках идут в кино.

Где пророк Иона? – Уехал в Сочи,
А пророк Исая? – Живёт в Туве.
И какой-то странный чернорабочий
Вышивает золотом по канве...

Просыпается утром не тот человек, кто спал.
Тот, другой, летал над вершинами чёрных скал,
над волной морской, над улицею Тверской,
тот, другой, во сне совладал со своей тоской.

У него – молодое имя, иная статья.
Он могуч, как ангел, прекрасен и полон сил.
Засыпает ночью не тот, кто ложился спать,
умирает тихо не тот человек, кто жил.

Он теперь лежит, как в замерзшей земле зерно...
Я найти пытаюсь пропущенное звено
между этой жизнью и жизнью незримой той,
где сидят, обнявшись, разбойник, дитя, святой.

Я найти пытаюсь ту точку, где явь и сон,
словно жизнь и смерть, на минуту одну сошлись.
А когда найду – Благодать победит Закон,
и пустая бездна, как небо, поманит ввысь.

Как морю сказал Господь:
«Здесь предел
надменным волнам твоим»,
так человеку сказал Господь:
«Есть предел у души твоей».
Как мелкий морской песок
лижут послушные волны моря,
так не сливается с воздухом
человеческая душа.
Есть человек, подобный засухе,
есть человек, подобный дождю,
который захватывает всё вокруг.
Есть человек, охраняющий свой очаг
и жилище.
Есть человек,
выбирающий жёлтые одежды.
Есть человек, создающий слова.
Как дивное дерево
с широкошумными ветвями
вырастает из горчичного зерна, –
так вырастает из слова
новый мир, склоняющий голову
перед Господом.
Господи, прими слово мое
как покаяние души моей.
Господи, прими слово мое
как обет вечно служить Тебе.
Господи, прими слово мое –
и пусть растает оно
в лучах Твоей славы.

1.

Что обрадует зренье? Узор ли извилистых линий – птиц свободных паренье над сумрачной водной пустыней, – или лиственный лес, наделенный способностью мыслить? Не пугайся чудес, ибо их невозможно исчислить.

2.

Что останется слуху? Листвы человеческий шелест – зов иного пространства для рыбы, идущей на нерест, или голос любви, отвечающий призракам грозным, что молчит псалмопевец и хлебом питается слезным.

3.

Что мы ставим на карту, с судьбой состязаясь сердитой? Мы богиню Астарту упрямо зовем Афродитой. Среди ветхих костей тает сердце, подобное воску, от небесных властей получившее небо в полоску.

4.

Мы уже понимаем, скитаясь под облачной сенью, что предмет не умеет соперничать с собственной тенью, что в измученном мире, где жизнью за слово платили, царь Давид просыпается, трогая струны Псалтири.

5.

Звук нагой и прекрасный в одежде из птичьего гама поднимается вверх, словно сладостный дым фимиама, а певец остается лежать на холодной постели, и в груди его голос, как свежая рана на теле.

ТРИ ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ ПСАЛМОВ

1.

В храме тела, убогом и тесном,
на изгибе солёной волны,
вторя травам и птицам небесным,
покаянные пели псалмы.
У Дающего милости много –
и являлся пылающий куст
тем, кто мучает Господа Бога
чуть заметным движением уст.

2.

Глас Господень, рождающий пламень,
зажигает огонь в небесах,
разрешает от бремени ланей,
обнажает деревья в лесах.
Божий глас заполняет провалы
и пробелы всемирных пустот,
сотрясает пустыни и скалы
и звучит над потоками вод.
И садовник в пустых вертоградах
ждёт, что в брошенном мире опять
трубным гласом своих водопадов
бездна бездну начнёт призывать.

3.

Входит смерть, как стакан в подстаканник,
в тело жизни – и праведный суд
ждёт тебя, очарованный странник,
камень, птица, разбитый сосуд,

сладкий корень забвенья бывшего,
из сосуда пролитый елей,
память, время, растение, слово
и сухая листва тополей.

Длится память моя, как прорытый во времени лаз.
Вышибает вино из бутылок горячие пробки.
И сияет луна, как утративший грани алмаз,
и стремится к земле, как Исав к чечевичной похлебке.

Незадачливой жизни последний итог подводя,
вспомнишь голую воду, осеннего леса юродство...
Пробивается свет сквозь прозрачные дебри дождя,
и не хочется телу утратить свое первородство.

Дух и плоть близнецы, как Иаков и рыжий Исав –
оттого-то во сне мы подвержены мукам напрасным.
Но на грешной земле и в пустынных, как смерть, небесах
пахнет варевом жизни горячим, горячим и красным.

Страстным ласкам не верь: остывает, как всякая страсть,
на дощатом столе позабытый горшок с чечевицей.
Нам любви не вернуть и к горячим губам не припасть,
дотянувшись до неба с завязшею в воздухе птицей.

Плачь – не плачь, а вино будет так же твой разум мутить,
как когда-то Рахиль. И, одежды горячие сбросив,
ты не духом, а телом начнешь отнимать и платить...

И в Египет опять будет продан прекрасный Иосиф.

Я БУДУ ЖИТЬ НА БЕРЕГУ РУЧЬЯ

1.

Я буду жить на берегу ручья,
где муравьи, мои лесные братья,
меня накормят пищей поминальной.
Сладка ли муравьиная кутя
для тех, кто знал иной любви объятья?
Качаются цветов колокола,
а свет идёт дорогою окольной,
и отражают листьев зеркала
сей жар и бред, сей трепет колокольный.

Качаются цветов колокола,
и вижу я – мгновенно, раз за разом
стекло воды разрезано алмазом –
упругой плотью птичьего крыла.

Мелькнёт в листве блестящий чей-то Лик...
Что значит сей запутанный язык
воды и света, рыб и чаек быстрых?
Что значит иероглиф муравья
среди прочих букв и знаков серебристых?

В очах у леса высохла роса
от птицами поставленных спектаклей,
проведена заката полоса
меж солнечным лучом и звёздной каплей

И если мотылёк – святой простец,
паук на нитке – крохотный разведчик,
я буду перед будущим истец,
молчальник, и обидчик, и ответчик...

2.

...я буду жить на берегу ручья,
чья речь напоминает Цицерона,
и где растёт огромный муравейник –
ни дать – ни взять – буддийский монастырь.
Я буду жить на берегу ручья
и слушать, как великолепный ветер
раскачивает колокол пространства,
чтобы рождался в мире шум и звон.
Я буду жить на берегу ручья,
и ласточкам, моим подругам тайным,
и мотылькам, и ангелам случайным
открою мудрый и простой закон:

чем ты сильнее любишь, тем сильнее
струится жизнь,
сияет свет из мрака...
На берегу стоит чета камней,
и их давно связуют узы брака.

Душа и тело, пепел и огонь,
седло, уздечка, укрощенный конь,
смерть и бессмертье, лепет и молчанье,

вино и виноградная лоза,
искусный фехтовальщик и рапира –
всё это явь, простые вещи мира,
и в то же время – Божьи голоса.

3.

Меж маревом цветов и тонкой мглой морозной,
меж солнечным лучом и мелкой пылью звёздной
лежит живая тень иного бытия.

Ты вынимаешь снедь и выпивку из сумок
и ставишь на столе двенадцать чистых рюмок,
и птичий перезвон звучит, как лития.

Как золотым руном влечёт к себе Колхида,
так служится в душе простая панихида,
где слово в золотом и мрачном торжестве
над бедною землей ликует и рыдает,
и ржавая листва с деревьев опадает,
поскольку с мёртвыми находится в родстве.

И смотрят на тебя то с высоты небесной,
то из сырой земли, из бездны бессловесной
умершие, иной изведавшие путь.
Жизнь отливает льдом и сталью воронёной.
Скорей налей вина в простой стакан гранёный,
чтоб мёртвых помянуть.

Они мертвы для нас, но все у Бога живы,
и ветви у осин, как будто руки Шивы,
воздеты к небесам, и речь дерев проста.
А камни у могил – ацтеки или инки –
загадочно глядят на бедные поминки
и тоже ждут Христа.

4.

В муравейнике памяти, в городе улочек узких,
где под звуки свирели невинное пляшет дитя,
среди бедных лесов и печальных равнин среднерусских
пролетает любовь, опереньем своим шелестя.

Пролетает любовь, не скорбя и не плача о прошлом,
в золотых облаках приснопамятный снег вороша,
и куда ни пойдёшь, – лёгкий прах прилипает к подошвам,
и куда ни посмотришь – везде серебрится душа.

Я потрогаю ласково тополь, берёзу, осину –
облетела листва, но совсем им не хочется спать.
В муравейнике бабочки куколок прячут на зиму,
чтобы им после холода чудом и радостью стать.

1.

Мы выброшены в мир как бы волной взрывной.
И если муравьи возводят град земной,
их остановит глас, отчётливый и гневный.
Мы в мире проросли, как травы и цветы,
чтоб тихо совершать – средь прочей суеты –
существованья подвиг ежедневный.

2.

А птицы в облаках небесный строят град,
там ласточка-сестра и жаворонок-брат,
и что им Августин – они еще блаженней...
А смертных тяготит то безотчётный страх,
то жалость, то любовь, то жизнь в иных мирах,
то сложная игра взаимных отражений.

3.

По комнате старик расставит зеркала,
чтобы в одном из них любовь его спала,
в другом теснилась злость, а третьем жило эхо.
Он с полки вдруг возьмёт, к примеру, «Валерик»
и с книги сдует пыль. Ну что тебе, старик?
Ты подвиг совершил, достойный слёз и смеха.

4.

Ты ночью умирал, а утром воскресал,
перед Ковчегом ты, как царь Давид, плясал,
с драконом воевал и родину покинул,
ты друга хоронил под колокольный звон,
и много жён имел, как мудрый Соломон,
и Господа призвал – и век твой краткий минул.

5.

Взяв муравьиный рис – прохладное зерно –
как ласточка, хлебнёшь воздушное вино,
и вздрогнет сердце от внезапного укола.
Скорее три перста, мой друг, сложи в щепоть:
у сердца твоего уже стоит Господь,
а ты ещё твердишь: Вирсавия, Мелхола...

Ирине

Будем, знать, что прошлое отцвело.
Будем прятать голову под крыло.

Отсияв, отмучившись, отплясав,
будем есть похлёбку, как ел Исав.

Был Исав искуснейший зверолов,
а Иаков был – человек шатра.

Мы когда-то в детстве любили плов,
веселились – я и моя сестра.

Веселились – а надо бы нам кричать,
призывать Тебя, чтобы Ты, Господь,
положил на наши сердца печать
и ржаного хлеба нам дал ломоть.

И хотя я имя Твоё с утра
призываю, и с Ним погружаюсь в сон,
но похлёбку варит моя сестра,
и в пустых полях высевает лён.

И когда в лугах, на полях, в лесах
голубые звёзды начнут цвести,
я шепну с надеждой: «Смотри, Исав,
как Иаков тебе говорит: «Прости!»

Задыхаясь, солнце во тьму спешит,
нет земных морщин на его лице.

А под ним колхидский цветёт самшит
высоко в горах, на реке Цеце.

Было время плакать и время петь,
было время ночи – но вспыхнул свет.

А вода, огонь, серебро и медь –
это тлен и прах, суета сует.

Знаю, слово мудрого – гвоздь, игла,
ты к сухому дереву пригвождён,
потому что смертная тень легла
на любого, кто от жены рождён.

Как же ты нам близок, Экклезиаст,
ибо мы забыли давно о Том,
Кто придёт и руку тебе подаст,
Кто шеол и смерть победит Крестом.

Наступает, видимо, время «икс».
Ходит вечность в вывернутой дохе.
И идёт форель по реке Курджипс,
чтобы в сеть попасть на реке Пшехе.

В НАШИХ ДУШАХ ЕСТЬ СЛЕДЫ ОЖОГА

1.

Липы в роще – как в комнате мебель,
только с места не сдвинешь – увы...
Но ударила молния в стемель
почерневшей от горя травы.

И земля разломилась на части,
как непрочный домашний уют,
стало слышно, как Силы и Власти
гимн незримому Богу поют.

Да, повсюду – разломы, разрывы,
гибель сущего, смерть вещества,
но покуда, нетронуты, живы
люди, ангелы, звери, листва –

вопрошают и стебли, и ветви,
и сплетение мёртвых корней,
вся душа мироздания – нет ли,
нет ли Бога бессмертного в ней?

2.

В наших душах есть следы ожога,
ибо дух похож на вещество.
Всякое суждение убого,
всякое сравнение мертво.

Но опять душа моя окрепла,
как весною заросли ольхи,
потому что восстаёт из пепла
человек, судимый за грехи.

Как Ты, Боже, плоть его оформишь –
может, в виде адского огня?
Вспыхнет он – и Ты меня накормишь
хлебом наступающего дня.

3.

В небе души мечутся нагие,
попадая в пропасти мытарств.
Мёртвому нужны глаза другие,
чтобы видеть свет подземных царств.

Чтобы видеть корни, камни, кости
и глазное яблоко слепца,
я прошу у ангелов – отбросьте
покрывало с моего лица.

Остов мой – заржавленная лира,
бранный дух мой выцвел и засох...
Знаю я: два имени у мира
и его второе имя – Бог.

МЕЖДУ ФАБРОМ И ЭККЛЕЗИАСТОМ

1.

В старом доме медленно и долго
надо мной колеблется фантом:
муха в белом саване из шёлка
в колыбели, свитой пауком.
Жизнь течёт в своём привычном русле
среди больших и малых русских рек,
но уже кузнечик спрятал гусли
и в траве уснул, как человек.

И пугает насекомых праздных –
светляков, рассеянных в ночи, –
парой крыльев веерообразных
падший ангел в виде саранчи.

2.

Не припомнить, на каком этапе
жизни вдруг возникла эта блажь...
Бродит Фабр в широкополой шляпе,
созерцает вечности пейзаж.

Он бросает пристальные взгляды,
напряжённо смотрит сквозь очки –
там, за смертью, есть ли шелкопряды,
пчёлы, осы, бронзовки, сверчки?

Мир иной – загадка, теорема...
Молча завершая переход,
он случайно замечает Брема
над пустыней океанских вод.

3.

Умирают – жёлты и невинны –
листья средь осенней суеты.
Кое-где мерцают георгины –
горькие, Егорьевы цветы.

Друг мой, уничтожены драконы,
те, что даже времени древней...
Только сосны, плача, как иконы,
ящериц скрывают средь корней.

4.

Царь Давид, играя на псалтири,
учит руки складывать крестом,
ибо перемены в звёздном мире
происходят перед Рождеством.

Ибо дева, будучи неплодной,
всё ж вкушает радости вино,
ибо естество стихии водной
скоро будет преображено.

Вот звезда своё меняет имя,
спят деревья у истоков вод,
и в солёной движется пустыне
рыб морских кочующий народ.

5.

Страшно мне стихий круговращенье,
страшен мне воды бесцельный бег.
Я живу надеждой на прощенье,
я – простой и грешный человек.

И пока не порвана цепочка
и ещё не взломан снежный наст,

я дышу, как дышит эта строчка.
Слышишь ли, мой друг Экклезиаст?

6.

Нынче ночью на Сионе лился
некий свет с заоблачных вершин,
но случилось чудо – и разбился
ночью у источника кувшин.

Закатилось в самый тёмный угол
ночью обручальное кольцо.
Чтобы светел стал небесный купол,
плакальщицы вышли на крыльцо.

Вот и я, в печали и обиде,
тихо плачу, сидя за столом,
и твержу, твержу, царю Давиде,
твой сто восемнадцатый псалом.

7.

Мы с тобой одни остались в доме.
Мир завёрнут в звёздную парчу.
Ангел держит на своей ладони
время, как пасхальную свечу.

Тает воск и капает на пальцы...
Медленно прощаются со мной
ангелы, чудесные скитальцы,
с лёгким грузом крыльев за спиной.

Солнце вырастает из пелёнок
после очистительной грозы,
и, как ангел, прячется ребёнок
в колыбели, свитой из лозы.

НАД СТЕНОЮ ПЛАЧА

1.

Сегодня пятница, и жизнь прошла впустую.
В пустом саду качает ветер тую.
Что ждёт тебя – потоп, землетрясение,
повальный мор, суббота, воскресенье,
подарок фирмы – телефон мобильный
иль свадебный гудок автомобильный?

2.

Что ждёт тебя сейчас, сию минуту?
Подобен ты не Цезарю, а Бруту,
Преступник Брут, а кто его подельник?–
Бездельник, бородатый понедельник,
который вновь, хотя его не просят,
над воскресеньем ржавый нож заносит.

3.

Сегодня пятница, а будет ли суббота
не знаешь ты, и не твоя забота
сурово добиваться ставки очной
ключа со старой скважиной замочной,
чтобы открыть ту потайную дверцу,
где есть приют измученному сердцу.

4.

А некто в чёрном говорит в пространство,
что жизнь свою мы прожили напрасно, –
болтали, пили, ели мандарины,
устраивали времени смотрины –

и в этот миг любимым изменяли,
и жизнь на смерть, как фантики, меняли.

5.

– Мы ляжем рядом на холме пологом,
нам нечем оправдаться перед Богом, –
ты говоришь, и эту мысль простую,
как эхо, повторяет вхолостую
мой прежний голос, тронутый распадом
живущий меж чистилищем и адом.

6.

Мой прежний голос – грешник и затворник.
Он в узах тела был похож на вторник,
который заключает день вчерашний
в стеклянный шар над Вавилонской башней,
в луну стальную над стеною плача...
...Мой голос плакал, ничего не знача.

7.

А в доме отмечали день рожденья,
и раздували уголь для кажденья,
чтобы курился ароматный ладан,
чтоб, как всегда, катились слёзы градом,
и под привычный звон ножей и вилок
среда стреляла вторнику в затылок.

8.

Посмотришь на времён круговращенье –
повсюду страсть, и ненависть, и мщенье,

Не человек ли сеет эту смуту?
Уже секунда целится в минуту,
горит четверг, подорванный на mine,
пылает время, как огонь в камине.

9.

Да, времени убийственно движенье.
Но жизнь твоя – не жертва всесожженья.
Смотри: простой горшечник любит глину,
отец опять идёт навстречу сыну,
хотя он умер в старом доме блочном
и прах его укрыт ковром цветочным.

10.

Гвоздики, георгины, маргаритки,
те, что росли в деревне у калитки,
в саду дрожали и в гробу лежали,
и украшали времени скрижали –
теперь они в своей красе нетленной –
дни нашей жизни – звёзды во Вселенной.

Птицы на площади – словно народное вече.
В городе каменном топят белёные печи.
Дым из печей поднимается выше и выше.
Падает снег, черепичные трогая крыши.

Флаги на башнях похожи на огненный велум.
Кто-то по городу едет на ослике белом.
Странник, привыкший к заснеженным русским пустыням,
красный хитон прикрывает гиматием синим.

Приступом город берёт воробьиная рота.
Сторож уснул, не закрыв Золотые ворота.
Тихо из облака светит печальная Вега.
Дети слепили ягненка из белого снега.

Вижу: руно синевой отливает и мелом.
Кто-то по городу едет на ослике белом.
Стынут на стёклах узоры из пальмовых веток,
мёртвых кораллов, диковинных рыб и креветок.

Жители города сушат белье на балконах,
в жертву приносят невинных птенцов голубиных,
и в колыбелях младенцев баюкают сонных,
и письма вырезают на каменных льдинах.

Первенец-снег разверзает небесное чрево,
дарит себя матерям-одиночкам и вдовам,
а по ночам в небесах появляется Дева
в синей тунике, в мафории тёмно-вишнёвом.

Жители города спят беспокойно, но им бы
очень хотелось бесчувственной сделаться плотью,
чтоб осязать облаков золотистые нимбы
и укрываться от снега овечьей милотью.

Я закричу – и над городом тучи рассею,
Выйду случайно на тихий заснеженный Форум
Знаю – милоть Илия подарил Елисею,
Дева Мария накрыла Царьград омофором.

Стало темно в катакомбах провинции римской,
смотрят Оранты сквозь время спокойно и немо.
Где же теперь вы, пещеры страны Гадаринской,
пламя Фавора, израненный хлеб Вифлеема?

Дети и ангелы в городе спят опустелом,
кто-то по площади едет на ослике белом,
а впереди – отдающие горечью строфы,
крест кипарисовый и ожиданье Голгофы.

МЫ ПРОБУЕМ ВРЕМЯ НА ВКУС

1.

Никто мне не скажет ни слова: я слишком мала и глупа.

Лицо накануне Покрова сечет ледяная крупа.

Что может случиться со мною в младенчестве –

лучшей из Мекк?

Быть может, сплошной пеленою укроет минувшее снег?

А может быть, прошлое станет водою, сбегаящей с гор?

Над будущей жизнью протянет Владычица Свой омофор.

2.

Ребенок лежит в колыбели, и катятся слезы из глаз –

то ранняя Пасха в апреле, то в августе – яблочный Спас,

то время гудит, словно пчельник весной на цветущем лугу,

то утром в крещенский сочельник купается голубь в снегу,

то каплями в зреющем хлебе горят васильки вдалеке,

то ангел купается в небе и зеркало держит в руке.

3.

Но горькие детские слезы для нас непомерно сладки:

я помню июльские грозы и ветлы у теплой реки,

цвела полевая клубника под деревом в форме креста,

слезою с Пречистого Лика катилась на землю звезда,

и матери, кутаясь в шали, от нас отводили беду,

и пыльной листвою шуршали деревья в колхозном саду.

4.

Мы память свою растревожим и, пробуя время на вкус,

на жертвенник сердца возложим

какой-то немислимый груз –

беспутная жизнь кочевая, горячая правда одна,
любовь, как вода ключевая, прозрачна до самого дна,
а грех обезглавлен и связан, и будущий путь предрешен,
и крест приготовлен, и Лазарь умерший уже воскрешен.

Октябрь на страже. Близится Покров.
Парад светил поёт согласным хором,
что видит мир над розою ветров
Владычицу с воздушным омофором.
Откуда ж эти слёзы из-под век
и привкус в слове горечи – откуда,
когда трава, и зверь, и человек
живут одной надеждою на чудо?
Ответа нет. Но ты иди туда,
где жёлтый ветер пыль несёт с востока,
где оживляет беглая вода
заржавленные жилы водостока,
где цвета крови сладкое вино,
как свет заката в облаке багровом...
Пришел октябрь. Так что нам суждено
увидеть и узнать перед Покровом?

Не могу понять, по чьей вине я стала заклинательницей слов
и зачем деревья, пламенея, закрывают лето на засов,
и зачем заканчивает осень на груди рубаху листьев рвать,
и зачем опять святой Амвросий созывает ангельскую рать.

Рано утром по дороге сельской

дождь идёт, как много лет назад...

Как бы мне доехать до Козельска,

заглянуть бы в Сергиев Посад,

помянуть там Влада и Наташу, услышать синицы голосок
и увидеть, как из чаши в чашу погребальный сыплется песок.

Вот октябрь от холода и скуки гонит к югу роту мурашей,
ночь слепая простирает руки к освещённой стороне вещей,
тополь в одеянии богатым – словно церковь Спаса на крови,
и вздыхает на холме покато

старый вяз, взыскующий любви,

Нет любви – и смысла нет в пейзаже, и поэту не хватает сил
у истока слов стоять на страже, как стоит Архангел Михаил.
Что мне старость, поздняя расплата,

молодость над пропастью во ржи,
как спасти мне атом от распада, слово – от сияния и лжи?

Наступает тёмное время года,
одинокий тополь промок до нитки,
холм листвы осенней лежит у входа
в одинокий дом. Слышен скрип калитки,

завыванье ветра, и стон, и шорох,
воздух рядом с вязами пахнет цедрой –
ожерелье цвета лимонных корок
раздаёт им осень рукою щедрой.

Мы уже не будем рыдать о лете,
сожалеть во сне о напрасном даре,
но осенней ночью при лунном свете
мы молиться будем святой Варваре.

О, прими покаянные слёзы наши
об унынье, блуде, о лжи, коварстве,
дай вкусить нам Хлеба из дивной Чаши
здесь, на этом свете и в Божьем царстве,

дай Вина горячего цвета Крови.
будь надеждой нашей, святая дева...
Ты на нас не смотришь и хмуришь брови.
а созвездья справа текут налево.

омывая светом небесный купол,
превращая землю в подобье храма.
Видишь, ангел сердце рукой нащупал,
и в горячем теле дымится рана.

Жизнь и смерть похожи, как чёт и нечет,
как похожи слёзы на горсть алмазов,
но Господь опять наши раны лечит
золотой листвою безгрешных вязов.

ЛЕТИТ СИНИЦА ЧЕРЕЗ ОКЕАН

1.

Связать себя – и обрести свободу,
войти в огонь, в пылающую воду,
в глухую ночь, в зелёно-серый лес
осин трепещущих,
в младенческий ольшаник,
чтоб ощутить, как прочен свод небес,
где ты гуляешь, ангел мой и странник.
Ты невесом, невидим, бос и гол,
щегол и сокол, сокол и щегол,
твой след ищу я в зарослях лещины,
на светлом неприкаянном песке,
где след волны похож на след морщины,
в сплетеньях серебристой паутины,
где спит паук на тонком волоске.
Тебя ищу среди земных трудов
на торжищах безумных городов –
то чужестранца, то единове́рца,
хотя порой я не пойму сама,
как смысл найти в ошибках горьких
сердца,
в печальных заблуждениях ума?
А ночь поит меня густым вином,
луна сияет в небе ледяном,
тела осенних лип полураздеты.
Из облачных краёв, из дальних стран
летит синица через океан.
Ответь же, друг мой, где ты, где ты,
где ты?

2.

Смирить себя – и обрести покой,
увидеть свет, горящий за рекой,
и лестницы невидимой ступени,
деревьев расписные терема,
пустые муравьиные дома,
ладони клёнов и сердца сирени.
Увидеть чайку на крутой волне,
татарку-иву в золотой чалме,
её сестру в серебряной папахе...
Уходят вверх – всё дальше от земли –
щегол и ангел в золотой пыли,
две мелких птахи в поднебесном прахе.
Смирить себя – и радость обрести:
душа прозрачна, как вода в горсти,
ты жив ещё, и большего не надо.
Пусть жизнь течёт, как слёзы по лицу:
седой пастух в горах нашёл овцу,
нечаянно отставшую от стада.

Уже пора за стол садиться,
пустые рюмки ставить в ряд...
Мы так же хлеб едим, как птицы
клюют созревший виноград.

Берёза ветку завитую
опустит вдруг на тротуар...
Мы так же воду пьём святую,
как пчёлы в поле пьют нектар.

Вдруг загудит над этим полем
грозы могучий контрабас...
Мы так детей своих неволим,
как ангелы целуют нас.

Но как, скажи, нам научиться
на перекрестке двух дорог
так полюбить цветок и птицу,
как человека любит Бог?

ИНЕЙ РОЖДЕСТВА

Тянет с севера тленом и холодом,
подо льдом цепенеет река,
и опять над разрушенным городом
кучевые плывут облака.

Проплывут над столицей древнюю,
над зубчатой кремлевской стеной,
над заброшенной русской деревней,
над огромной усталой страной.

Равнодушное небо безбрежное,
этот синий воздушный простор,
бороздят облака – белоснежные,
как вершины невидимых гор.

Злого времени ветер пронзительный
над тобою не властен, пока
в неземной красоте ослепительной
над Россией плывут облака,

очертанья меняют, колышутся,
и, покуда не кончился день,
как бесшумно, стремительно движется
по земле их летучая тень!

Внезапно, как груз на подвижных весах,
застыли орлы высоко в небесах,
умолкли кукушки в ветвях шелковицы,
стрижи, зимородки и прочие птицы.

И воздух горяч, и разрежен, и сух,
внезапно сгустился и стал неподвижен,
и стадо, с которым скитался пастух,
застыло вдали от приземистых хижин.

И те, кто вкушал, – не вкушали еды,
кто пил, – те не пили студеной воды:
вода не лилась из большого кувшина.
В листве неподвижной стояла крушина

у входа в пещеру, где каменный свод
был неким подобьем небесного свода,
а Та, что в пещере лежала, живот
руками сжимала.
Иосиф у входа

стоял, сокрушенный, как дерева ствол...

Но вдруг замычал утомившийся вол,
и сразу пещера наполнилась светом:
Младенец родился. Услышав об этом,
Иосиф заплакал. С его головы
упала повязка. Он взял, цепенея,
Младенца...

Дары собирали волхвы.

В святую пещеру вошла Саломея.

Татьяне Кан

Ветку ясеня, дудочку узкую,
птичий щебет, следы на снегу –
всё возьмите – оставьте мне музыку,
я без музыки жить не могу.
Без неё я как город без имени,
как случайная тень на песке...
Пишет ангел рождественским инеем,
словно мелом на классной доске,
что вина прощена и заглажена,
что по-прежнему кровь горяча,
что судьба – как замочная скважина,
как закрытая дверь без ключа.
Но не пробуй проникнуть в таинственный
мир, где снег ослепительно бел,
где родился Господь,
где единственный
раз
я слышала музыку сфер.

На тебе, как на арфе, играет Господь,
посылая земле ослепительный снег,
а душа разглядела сквозь грешную плоть:
Вифлеемской звезды проплывает ковчег
там, в ночных небесах, среди прочих светил,
среди карликов белых, хвостатых комет...
Мрак Синайский, мой друг, плодороден, как ил,
а в его глубине – не Фаворский ли свет?
Райский сад на земле пожелтел и засох,
что ж ты ходишь по этим забытым местам?
Нужно сердца врата запереть на засов,
ставить крепкую стражу неверным устам.
Кто удержит течение пламенных рек,
кто надменным волнам установит предел?
И ещё я спрошу: кто тебя, человек,
искупил и бессмертною славой одел?
Так прими благодарно немислимый дар,
жизнь отлив в совершенную форму креста.
Медный маятник сердцу наносит удар,
а в пустых небесах пламенеет звезда.

ВИФЛЕЕМСКАЯ ЗВЕЗДА

1.

К нам зима была жестока, мы в чужую землю шли,
иногда звезда с Востока в снежной пряталась пыли.

Мы метель пережидали и смотрели в небеса:
там то пели, то рыдали неземные голоса.

Чей-то голос с лаской женской звал забыться, отдохнуть,
но Звездою Вифлеемской нас манил опасный путь.

Ладан, золото и смирну мы везли Младенцу в дар...
– Помоги нам, ангел мирный! – старый молвил Бальтазар.

И посланником чудесным среди иных небесных тел
над зубчатым чёрным лесом тихий ангел пролетел.

Тихий ангел держит сферу, сквозь которую видна
наша жизнь, как вход в пещеру, наша смерть, как пелена.

А в пещере, где лучина начинает догорать
на родившегося Сына молодая смотрит Мать.

Греет ноги ей овечка, заслоняет тень креста,
а в ночи горит, как свечка, Вифлеемская Звезда.

2.

Ищу я из прошлого выход,
я плачу и хлеба не ем...

Уже растревоженный Ирод
отправил войска в Вифлеем.

А сколько их, воинов сытых
там было, я знать не могу,
не знаю я, сколько убитых
младенцев лежало в снегу.

Но слышала я, как рыдала,
как громко рыдала Рахиль,
и лица детей покрывала
холодная снежная пыль.

Мне искру из камня не высечь.
Заблудшая блеет овца.

Восходит четырнадцать тысяч
младенцев к престолу Отца –

и каждый для вечности создан,
и собственной кровью крещён,
и этой-то светлостью звёздной
ночной Вифлеем освещён.

ОТ КРЕЩЕНИЯ ДО РОЖДЕСТВА

1.

Здесь часто плачут; здесь на Рождество
большие сосны ставят в крестовины;
в горах живут священники; равнины
приходят раз в году на торжество
к реке, текущей по лицу равнины
сияющим потоком пресных слез;
здесь сковывает прошлое мороз.
Здесь свет с небес раздвоен и лукав.
С ним говорят на разных языках
в пустынных храмах восковые свечи;
здесь белый снег, обняв тебя за плечи,
меня за левый трогает рукав.
Не жаль ему великолепных звезд,
из влаги неба сделанных кристаллов –
я вижу их роение и рост
в словах любви, великих или малых.
И вновь закат несет вино с небес
тем, кто внезапно умер и воскрес, –
камням, деревьям, детям, иноверцам...
И человек стоит один, как лес,
прижавшись к миру поврежденным сердцем.

2.

Так ты живешь. Среди твоей родни
слова любви, предметы, птицы, звери.
То там, то здесь в домах горят огни,
дымятся шторы, вспыхивают двери.
И дети плачут и несут в руках
гранатовые яблоки, и в прах
их души превращаются до срока.
Горят в земле сухие корни дрока,
чтоб листья тоже знали Божий страх.

3.

И там, в земле, дрожит небесный свод.
На лица мертвых падают светила,
и каждый гроб напоминает плот,
плывущий вспять поверх подземных вод.
И, чтобы места всякому хватило,
перед святым причастьем мертвецы
крестообразно складывают руки,
но мы – калеки, карлики, слепцы –
приносим им предметы нашей муки,
их угощаем крошками мацы!

4.

Да, в каждом встречном прячется Господь –
так в шуме волн скрывается соната.
Да, я по миру расточаю плоть,
мое вино имеет вкус граната.
Да, сок течет из виноградных лоз,
глаза созвездий точат струи слез,
да, я от света горнего ослепла,
да, плачу я, и цвет моих волос
увенчан нимбом из золы и пепла.

5.

В Европе сухо. В Азии метель,
в Америке созрела шелковица,
и вешает, как встарь, отроковица
на елку мишуру и канитель.
И плачет ель рождественской смолой,
прекрасен крест ее, как аналой,
сияет ель подобьем вечной книги,
в которой нет начала и конца.
Она стоит – и тень ее лица
снимает с нас воздушные вериги.

6.

Куда ты скрылся, свет моих очей?
ты ищешь не врачей, а палачей,
из рук увечных принимаешь кубок.
Уже секира при корнях дерев
лежит, и, предваряя Божий гнев,
растет из почвы дерева обрубок.

7.

А снег идет. Невидимой рукой
мороз деревьям раздает короны.
Пространство между лесом и рекой
заполнили хрустальные колонны.
Забудь о прошлом, двери отвори
чужому стуку, дыму и безлюдью,
чтоб в дом влетели стаей снегири –
чужие дети с поврежденной грудью.
Зачем их Бог в ключицы целовал,
благословлял, два имени давал,
звал четверых Надеждой и Любовью –
ведь ты, безумный, гибель им ковал,
крушил сердца и руки пачкал кровью?
Где ель напоминает олеандр?
Где скрылись птицы Геро и Леандр?
Куда ушла любовь моя и сколько
ты жил, великолепный Александр,
ты, царь Борис, и ты, святая Ольга?
Ольха растет и Волга говорит,
в горах из камня высечен Давид.
Внезапно смерть меняет освещенье –
и снег похож на свежую листву.
Но ты рожден уже, – и Рождеству
по-прежнему предшествует Крещение.

8.

Елшанка. Поливановка. Увек.
В Елшанке ели источают ладан.
Роняет кровь и слезы человек,
который жив, но словом не угадан.
Возьму я догоревшую свечу,
чтоб каждый знал – я плачу и плачу
за то, что свет подобен свежей ране.
На Волге лед растит свои горбы,
а в городе дощатые гробы
отверзли поврежденные гортани.

9.

Бредет к реке измученный народ.
Мороз молчит и сковывает рот
монголам, грекам, туркам, печенегам.
Но вот обильем Иорданских вод
блестит река под белым русским снегом.
И напрягает зрение и слух
Адам, уставший от работ поденных,
чтоб снизошли вода, огонь и дух
на всех живых, убитых, нерожденных.
Тяжелый лед влачит река времен,
но страшно ей от боли расколоться –
и я одна под сенью двух имен
стою, как самарянка у колодца.

Тонкая нить светового луча,
или горящая тихо свеча,
или сияющая лампада,
или луны благовонный янтарь
нам говорят, что рождается Царь
в зарослях ночи,
среди снегопада.

Мёрзлой травы неживые пучки,
зимних светил ледяные зрачки,
ветви дерев, бессловесные звери,
беглой звезды исчезающий след
нам говорят, что рождается Свет
в мире страдающем,
в тёмной пещере.

Ангелы, дети, волхвы, пастухи,
испелённые наши грехи,
слёзные капли в окрестности мгlistой,
выдох последний и прерванный вздох
нам говорят, что рождается Бог
в тёмном вертепе
от Девы Пречистой.

В муках рождаются Хлеб и Вино,
Слово становится плотью. Оно
нам для спасенья дано, и отныне
ветер гудит в проводах, как орган,
дремлет Голгофа,
блестит Иордан
мёртвой водою
на русской равнине...

МУЗЫКА РОЖДЕСТВА

1.

В конце семидесятых,
В объятиях зимы,
Скатёрку – всю в заплатках –
На стол стелили мы.

И, отутюжив блузку,
Закрыв на ключ альков,
Готовили закуску
Из плавленных сырков.

Да, был сюжет альковный
Искусно утаён...
Зато салат морковный
И торт «Наполеон»

Стол украшали бедный –
И я, тебя обняв,
Ждала, что нам целебный
Поможет чай из трав.

А снег летел и таял
В пространстве за окном,
И ты пластинку ставил,
Где пелась песнь о том,

Что всё на свете минет –
И мука, и любовь,
Что друг тебя покинет,
Что кровь твоя остынет,
Твоя остынет кровь.

Пел трагик, вторил – комик,
Огонь свечи дрожал.
А на скамейке томик
Тарковского лежал.

2.

Есть у шальной метели
с музыкою родство...
В город привозят ели,
близится Рождество.

Сколько небесных скрипок
вступят в неслышный спор!
В сумерках возле Липок
ангельский слышен хор.

Тихо снежинки тают,
светит в ночи луна,
Где-то волхвы читают
звёздные письма.

Как нам – по нашей вере –
звёздный постичь язык?
Знаем мы, что к пещере
ослик идут и бык,

овцы стоят на месте,
ласковы и тихи,
ждут долгожданной вести
старые пастухи,

Ангел в одеждах алых,
воздух, вода и твердь,
а в городских кварталах –
спешка и круговерть.

Спутаны все приметы,
заметены пути,
ветер несёт по свету
лёгкое конфетти.

В призрачном маскараде
вьюгою занесло
Доны Лауры пряди,
кудри Манон Леско.

И, утомлённый пляской,
в праздничной толчее
прячет лицо под маской
Данте иль де Грие.

А из пределов райских
всем нам несут дары –
искры свечей бенгальских,
золото мишуры,

шорохи серпантина,
вечной любви слова,
святочную картину,
музыку Рождества...

3.

Уж не поёт колядки
на праздники народ
на Рождество, на Святки,
на старый Новый год.

Но в жизни монотонной
так сладки эти дни...
В коробочке картонной –
бенгальские огни.

Зажожёшь огонь от спички –
услышишь звук трубы,
и смотришь по привычке
«Иронию судьбы».

И Дед Мороз с бородкой,
Снегурочка в колье
закусывают водку
салатом «Оливье».

А где-то месяц ясный
увидел детский Лик,
и как стоят у яслей
лошадка, ослик, бык,

и как сиянье длится
до первых петухов,
и как светлеют лица
волхвов и пастухов.

.....
.....
.....
.....

Коньяк последний выпит
на старый Новый год...

И долог путь в Египет
и из него исход.

Нине

Сумасшедший рыцарь твердит о любви и браке
не кому-нибудь – всем известной Прекрасной Даме.
Рождество удлиняет время на шаг собаки,
а собаке нравится жить в городском бедламе.

Ловит пёс оборванный мусор, летящий мимо,
и к сухому снегу его прижимает лапой.
А поэт молчит, дожидаясь вестей из Рима, –
что же там, в энциклике, присланной римским папой?

Римский папа славит порывы людей искусства,
шлёт им шёлк заморский, роскошный ковёр татарский,
а в могиле сжали свои кулаки до хруста
горожанин Минин, сиятельный князь Пожарский.

Бродит Блок безумный в стране ледяных туманов,
и в обнимку с Верой бредёт Вячеслав Иванов,
и кричит Бугаев, садясь за соседний столик:
«Ты католик стал!» – и смеётся над ним до колিক.

И в России нищей стоят вдоль дорог вертепы,
и воры в законе китайские рвут петарды,
и любовь, мой друг, проще пареной стала репы –
так под Новый год голоса под гитару барды.

Кто им вторит, с плачем взывая: о горе! горе!
Может быть, рыдают забытые нами предки?
Не в подвале каменном, в центре Москвы, в соборе
Гермогена держат, как зверя в железной клетке.

Что, Марина, Осип, уже не затеплить свечки
вам в церквах московских, хотя и написан «Камень»?
Перед Ликом Спаса – солома, руно овечки,
освещает их фотовспышки холодный пламень.

Над Москвой-рекою как будто палят картечью.
Может, это Гоголь грозит Запорожской Сечью,
иль в глухой деревне из лёгких, как свет, пелёнок
на огромный мир безмятежно глядит ребёнок?

Смотрит на небо – и видит святой Лука:
в Бельгии белой с неба летит мука,
в синей Шотландии сеют крестьяне лён,
в рыжей Ирландии слёзы роняет клён.

Смотрит на землю и видит святой Матфей:
ходит в Британии некий слепой афей,
Бога хулит он и птиц убивает влёт,
а на вакации Пушкину письма шлёт.

Светлой листвою шумит царскосельский парк.
Нас ли, неверных, святой вопрошает Марк:
– Что ж вы ушли в плотяные свои сердца
и не хотите на родину, в дом Отца?

Ангел летел по небу, потом исчез.
Мы же, бескрылые, ловим в последний раз
взгляд Иоанна на русский осенний лес.
Евангелист и апостол не видит нас.

Ибо душа для молитвы не ищет слов,
только считает раны, клянёт судьбу.
Что ж мы – не в силах небесных принять послов?
Родины тело в свинцовом лежит гробу.

А над могилою высится крест простой,
сад неприкаянный мёрзлой шумит листвою,
как же забыли мы славу свою и честь –
Русь, Вифлеем, Голгофу, Благою Весть?..

Ветра зимнего шум, разговоры в замёрзших парадных,
мандариновых корок знакомый до слёз аромат,
принесённая гостем коробка конфет шоколадных
И луна среди мёртвых громад.

Воробьи замолчали и в снежном купаются прахе,
ворон там, на дубу, в золочёную дует дуду.
Рядом с храмом Успенья деревья стоят, как монахи,
Ждут второго Пришествия в этом году.

Снег в объятиях ветра знакомый до одури танец
исполняет на «бис» для деревьев, кустов, фонарей...
И на родине вьюги, в отечестве гор и морей
в самом сердце Москвы почивает в гробу самозванец.

Но холодной зимой не покинет вода берегов.
Ждёт народ Рождества, опасаясь то глада, то труса.
Снова плачет Россия сухими слезами снегов...

А Мария молчит, прижимая к себе Иисуса.

Чуть помедлив, вздохнешь, уходя,
в темноте безнадежно кивая
на распятое тело дождя,
на расколотый череп трамвая,

на его обнажившийся мозг,
искореженный временем, ржавый,
на закрытый газетный киоск
и звезду над Российской державой.

Ветер грубо срывает с ветвей
предпоследние призраки плоти,
словно жизнь не бывает мертвей
в человеке, в душе и природе.

Ты покинул родные места,
но в глуши, над больницей земской,
словно призрак, блуждает звезда
отраженьем звезды Вифлеемской.

Спи, несчастная, как тебя звать?
Ты, на горе родившая сына,
на железную ляжешь кровать,
и приснится тебе вся небесная рать
и какого-то грека картина:

В бывшей церкви стоят пастухи,
бродит скот в алтаре за крещальной,
среди соломенной светлой трухи
спит дитя все светлей и печальней.

Возле яслей четыре вола
наклонили могучие выи...

Да, у времени есть зеркала
и огромные рамы кривые.

В Вифлеем опять караваны бредут во мгле.

Мой отец и мать почивают в сырой земле.

Как давно они в колыбелях дубовых спят!

Снится им, что вновь у Марии родился Сын,

Он бродил по миру и был на кресте распят,

и об этом знают трава, журавлиный клин,

облака на небе и сонмы летящих душ...

Сколько летних засух и лютых декабрьских стуж

пронеслось над миром,

и сколько лилось дождей

на сухую землю,

и как проливалась кровь

царедворцев, смердов, невинных детей, вождей!

Но услышал мир, что его создала Любовь.

Только слова жаждет немая моя душа,

а любовь есть Слово, ведь Богу не нужен жест.

У седых волхвов я спрошу, словно лист, дрожа:

не гора соблазна ли стала горой блаженств?

Я ладонью глажу прохладный базальт, гранит.

Говорит мне мать: «Ты о нас не тоскуй, не плачь,

ведь любую душу Господь для Себя хранит,

и к любому сердцу приставлен его палач.

И земному дому не нужен небесный дом,

и земному грому ответит небесный гром,

и земной воде мы прощаем и шум, и плеск,

в земляной ладье мы ныряем в небесный блеск,

где Благая Весть, как горящий во тьме светец.

Сын родился здесь – и прощает нас всех Отец!»

Вот окончилось лето и снова настала зима.
В небе ангел трубит, времена обозначив и сроки.
Под рождественской елью белеет, как снег, сулема,
почему это так – не ответят Закон и Пророки.
От воловьих ноздрей подымается в воздухе пар,
Млечный Путь в небесах наподобье висит полотенца.
И стоят у пещеры Каспар, Мельхиор, Бальтазар,
из заплечных мешков вынимая дары для Младенца.

По забытым местам, по дубовым могильным крестам
шарит злая метель; то стучится в холодные окна,
то читает стихи, а они, как сказал Мандельштам,
нам напомнить должны винограда мясные волокна.
Эта сладость нужна, чтобы снег непременно горчил,
чтоб пространство, как улей, где снежные пчелы роятся,
нас пугало забвеньем, чтоб ты меня, милый, учил
никуда не бежать, никогда ничего не бояться.

Потому что во времени, впаянном в звездную твердь, –
так ты мне говоришь, – есть одно несомненное свойство:
если выпить до дна этот яд, причиняющий смерть,
то увидишь любви молчаливое грозное войско.
И покуда мы живы, покуда мы любим, пока
беспризорные вещи повсюду лежат в беспорядке,
ртутной соли раствор, металлический вкус мышьяка,
аромат миндаля нас с тобой не пугают на Святки.

В ночь на трех королей жизнь становится снова ничьей.
Деревянное масло уже догорает в лампаде.
И любовь возникает, как мелкий соленый ручей,
а потом мы погибнем в ревушем ее водопаде.

Тема гибели входит, как в масло наточенный нож,
в каждый пойманный взгляд и в любое ответное слово...
Ты сначала заплачешь, потом ты поймешь, ты поймешь:
в смертном теле душа не найдет ни ночлега, ни крова.

Духу брeнная плоть причинить не сумеет вреда –
и в соленой земле, сотрясаясь от бурных рыданий,
вещи вечной прозрачности – олово, соль и слюда
будут мертвым устраивать праздник охоты на ланей.

И увидят они удивительно ясные сны:
на зеленой траве, в ореоле сиянья и пенья
Ангел Судного дня, очевидец заката луны,
держит в легких руках нашу жизнь, как икону Успенья.

Разноцветные рыбы неслышно плывут по реке,
собирается дождь, воробьи вылетают из клеток,
бог китайского грома с двумя зеркалами в руке
ослепительной молнией ловит прозрачных креветок.

Вот мы все и забыли: поэт, оборванец и царь
видят сходные сны и живым одинаково снятся.
Только с мертвыми нам и во сне невозможно обняться.

Руки Сарре целует сожженная солнцем Агарь.

Ещё нам далеко до Рождества,
хотя повсюду – ёлки, ёлки, ёлки...
Разрушенной империи задворки
украсил снег, как белая листва.

Жизнь раскололась, как пустой сосуд,
и на снегу лежит осколков груды.
Грядёт не Новый Год, а Страшный Суд,
и всё же мы надеемся на чудо –

на то, что с нами встретится Господь
как с сыновьями, а не с должниками,
и земляную, злую нашу плоть
пересоздаст любовными руками.

Мы в воды медлительной Леты летим, как зерно в борозду,
а три одиноких планеты в одну превратились звезду,

и шкурою снежного барса лежит ослепительный свет
Сатурна, Юпитера, Марса на теле озябших планет.

Ручьи пересохшие немы. Пустыней бредет караван,
волхвов в декабре к Вифлеему оптический гонит обман,

а с крыш городских на просторе под шум зацветающих лип
виднеется Мертвое море с прозрачными спинами рыб.

Бредут вавилонские маги, им нет ни препон, ни преград,
и тихо колышет в овраге черемуха свой виноград,

колышет, и кажется пьяной, и сладко цветет курослеп,
а рядом, в избе деревянной, ржаной выпекается хлеб.

Пора отправляться в Европу, посуду убрав со стола:
там Кеплер, припав к телескопу, увидел, что снова тела

Юпитера, Марса, Сатурна составили тело одно,
и море вздымается бурно, и рвется его полотно.

Друг другом питаются рыбы, нас время прозрачное ест,
но вместо веревки и дыбы воздвигнут сияющий крест,

и временной смерти проситель себя у пространства крадет,
увидев, как снова Спаситель по Мертвому морю идет.

Над изгибами рек, над вершинами гор
над земной красотой несказанной
виден ласковый свет, слышен ангельский хор –
он звучит над Россией осанной.
– Мы зимой ледяные алмазы граним
и, когда зажигается Вега,
опускаем на грудь среднерусских равнин
вологодское кружево снега.
Здесь, в России истерзанной так повелось –
снег ложится на мёртвые лица...
Столько крови невинной уже пролилось,
что слезам невозможно не литься.
Божий храм осквернён, дом родимый сожжён,
Кровь Христова смешалась со снегом...
Только Божьим смотрением мир окружён, –
так вода ограничена берегом.
Пусть плетут кружевницы свои кружева,
ангел жив над кремлёвской стеною,
он неслышно поёт, что Россия жива,
как земля под корой ледяною.

Среди нашей сиротской зимы
попрошу-ка я снега займы
у седой прошлогодней метели,
у вселенской её кутерьмы,
чтобы снежные хлопья летели
и в метели звучали псалмы,

чтобы снега большие холмы
скрыли Лесбос, Стамбул и Сахару,
чтоб учились на опыте мы
в очертаньях турецкой чалмы
ясно папскую видеть тиару.

Среди наших лесов и полей,
пустырей, перелесков, опушек,
среди бунинских тёмных аллей
будет русской душе веселей
слушать треск новогодних хлопушек.

Если с миром отвергнуть родство –
будет новая сброшена маска...

Но у нас впереди Рождество,
Пост великий, Голгофа и Пасха.

АНГЕЛЫ ЭТОГО МИРА

Жили в долг, и Великим постом
проливали горячие слёзы.
Вышивали болгарским крестом
на подушке пунцовые розы.
Вышивали жар-птиц, росомах,
в шали серые кутали плечи,
в невысоких кирпичных домах
разжигали железные печи.
Чёрный хлеб для голодных детей
на растительном жарили масле,
а на небе без всяких затей
свечи звёзд загорались и гасли.
И сквозь тёплые слёзы, едва
намечая скольжение линий,
зимней ночью плели кружева,
на январский похожие иней.
Но пришлось им не сразу, не вдруг
позабыть ремесло Пенелопы:
есть движения взглядов и рук
словно в лес уходящие тропы.
Там стоят и судьбу сторожат
липы старые, чёрные ели...
И ненужные розы лежат,
как живые, в холодной постели.

Мы знаем, что распалась связь времён:
Разрушен город, Иоанн пленён,
Тебе, отец мой, дом подземный вырыт.
Резвится в небе стая Гончих Псов.
В пустынях рек, на берегу лесов
На пляшущую деву смотрит Ирод.

Всё то, что Бог напишет на роду,
Как роза детства в брошенном саду,
Благоухает вечностью и раем.
Он нас призвал, благословил и спас,
Но мысль одна томит и мучит нас –
Что смерти мы себе не выбираем.

Дни вечности, простой песок морей,
Грехи рабов и подвиги царей
Никто не сможет взвесить и исчислить.
Но в жизни, возведённой на крови,
Истоки и последствия любви
Научат сердце не страдать, а мыслить.

Стемнело. Месяц молодой
растёт в своей пустыне чёрной.
Над потемневшею водой
вознёсся крест нерукотворный.
Расстаться с прошлым не спеши,
не слушай соловьиных басен:
всё так же пуст пейзаж души
и тёмный путь её опасен.
Зачем спасённый человек
в тоске раскидывает руки,
когда земля, и дождь, и снег
сотворены из крестной муки?

Чем кончается жизнь человека,
злая музыка, тайный улов?
Слов несказанных тонкое млеко.
Муравейника кисленький плов.

В наше время была дефицитом
череда расставаний и встреч.
И стояла в пространстве открытом,
чуть мерцая в ночи антрацитом
небелёная русская печь.

Не на ней ли катался Емеля?
Для неё ль, выбиваясь из сил,
в банке из-под заморского эля
ворон мёртвую воду носил?

И смеются опята-уродцы,
мухомор в шутовском колпаке.
Щука спит в деревянном колодце
с серебристым пером в плавнике.

Шелестит муравьиная Мекка
в мёртвом царстве осиновых дров:
– Чем кончается жизнь человека?
Злая музыка? Тайный улов?

НЕЗДЕШНИЙ ГОСТЬ

1.

Все колеблется, тает и гаснет –
стол и стул, занавеска, окно...
Нынче хмуро, но завтра прояснит,
ты не бойся, что будет темно.

Стала жизнь веселей и короче,
чистой правдой прикинулась ложь,
по ворсистому пологу ночи
пробегают последняя дрожь.

И в трагическом сумраке комнат
слышен скрежет тоски городской:
Чьей рукою он будет отдернут –
пыльный занавес жизни людской?

Смотрит зеркало знаком вопроса,
рот комода презрительно сжат,
по разбитой дороге колеса
громыхают, гремят, дребезжат.

Два коротких, как вздохи, поклонца
перед пыльным квадратом окна...
Там – уже появляется солнце,
здесь – еще не исчезла луна.

2.

Уже ломает щука хвост
в реке о битый лед,
и солнце, как Великий пост,
над головой встает.

Тяжелый крест – его зенит,
и тяжко колокол звенит.

Пока не пробил час Суда
и мир Господь не сжег,
пока еще на города
с небес идет снежок,

покуда не зазорно нам
толпиться у дверей,
пока еще, как прежде, в храм
зовет святой Андрей –

покайся, блудная душа,
в ладонях бледный лед кроша,
слезами грех омой...

По переулку не спеша
шел человек домой.

3.

Да, я боюсь своей души, –
как дух для тела чужд!
Сидеть, точить карандаши
среди житейских нужд,
и рисовать в тетради ноль,
приняв в расчет любовь и боль
добро и зло, и сон и явь,
сор жизни, мир иной...
И слышать голос: «Все оставь,
не плачь, иди за Мной!»

4.

Свет неяркий, день короткий,
разговоры на бегу:

«Видишь ты рисунок четкий
зимних веток на снегу?»

«Прост, как поезда гудок,
ледяной узор на стеклах,
тает, тает, как ледок,
жизнь твоя в ладонях теплых».

«Бог ведь как свой путь верша
и внутри какого тела,
ты зачем, моя душа,
к этой жизни прикипела?..»

5.

Клещи, гвозди, молоток,
ведра, детские игрушки...
Молока отпив глоток
из забытой кем-то кружки,

смотришь – силишься понять,
вспомнить, что это за вещи –
кружка, зеркало, кровать,
молоток, стамеска, клещи,

гвозди, зеркало, комод,
стекла, пыльные бутылки,
ломтик груши «бергамот»
и пластмассовые вилки.

Старый плащ затерт до дыр...
Скажешь ты, дойдя до кромки:

Боже, Боже! Сломан мир,
нас страшат его обломки...

6.

Изогнувшийся подковой
месяц в небе – как ожог.
Сеет мелкий, бестолковый,
русский ласковый снежок.

Льнет к устам, ладони греет,
землю белит не спеша...
Снег пойдет – и присмирееет
неспокойная душа.

Ведь она за тьмой белесой,
за чредою горных гряд
и за снежною завесой
разглядит небесный град.

7.

В облаке месяц – как турок в чалме.
Зреет пшеница на дальнем холме.

Лунного света напившись, зерно
стало уже тяжело и черно.

Скоро ли ангел с младенческим лбом
срежет колосья тяжелым серпом?

Мельник глухой, помолившись сперва,
будет следить, как скрипят жернова.

Черная сыпаться будет мука,
а над холмом поплывут облака,

но не придется, наверное, мне
ночью ходить по колючей стерне...

8.

Над грешною землею застынут облака,
чирикнет воробей, и слабо скрипнет дверца.

Огонь, железо, соль, пшеничная мука,
три розы на столе и плач в глубинах сердца.

Но Кто нас призовет и Кто утешит нас?
Сияет и манит воздушная дорога.
«Достаточно взглянуть на воробьиный глаз, –
сказал старик Вольтер, – чтобы увидеть Бога»,

Достаточно понять, что над простым зерном
витают в облаках горячий запах хлебный, –
и вот нездешний гость в проеме стал дверном,
как свет из облаков, как новый день целебный.

Солнце мира померкло и в облачной скрылось гряде,
дождь смешался со снегом, им ветер приходит на помощь...
Вот уже подоспела Неделя о страшном Суде –
и сегодня Спаситель овец отделяет от козлищ.

В храме полупустом на скамейках сидят старики,
держат в слабых руках золотисто-янтарные чётки,
и плывут рыбаки по просторам великой реки,
чтобы сети закинуть по правую сторону лодки.

– Что случилось с Россией?– Борис вопрошают и Глеб
сквозь струение ладана смотрят на нас страстотерпцы.
За живых и усопших ещё преломляется хлеб,
и в младенческом теле горит обновлённое сердце.

Ледяная вода в деревенских колодцах чиста,
и поверхность её представляется зеркалом птице...
Страшный близится Суд – и дай Бог нам дожить до поста,
дай нам Бог помянуть всех усопших на сырной седмице.

памяти родителей

Муравьи ли меня между делом
спросят, строя свои города:
– Где душа, не покрытая телом,
обитает в преддверье Суда?

Или, может быть, бабочка мая,
глядя бархатной черной каймой,
ничего мне не скажет, немая,
только сядет на численник мой?

Или, может быть, ангелов племя,
вдруг слетевшихся в сад небольшой,
нас утешит: в последнее время
будет тело покрыто душой?

О, любимые! Если б могли вы
видеть, лежа в прохладной земле,
как цвели вавилонские ивы,
как играла вода в хрустале!

Если б вы, драгоценные, знали,
как в трехмерном пространстве земном
мы рыдали – и вас поминали
нежно-алым церковным вином!

Минет все, что звалось круговертью,
и, неведомым светом дыша,
будет тело очищено смертью
и огнем осолится душа.

И невестой в сияющем платье,
не скрывая фатою лица,
ты пойдешь – и откроют объятия
руки матери, сердце отца.

Памяти тётки Маши

Человек живёт на этом свете
и нужду имеет во враче,
и толкутся люди по планете,
как пылинки в солнечном луче.

Так метались в бурях планетарных
богомолы, мошки, комары,
но застыли в капельках янтарных
молодой, светящейся смолы.

Видно из окна твоей палаты,
как блестят на солнце купола,
рукава больничного халата
сложены,
как два больших крыла.

И в потоках межпланетной пыли
есть следы твоих последних слёз,
и в янтарном времени застыли
мука, упование и вопрос.

Снится мне цветущая долина
и плоды, солёные на вкус,
и в раю – Мария Магдалина
с ниткою простых янтарных бус.

ПАМЯТИ А. СОПРОВСКОГО

Льется свет с небес голубой рекой,
но придет зима с ледяной клюкой
и за все страдания твои, труды
напоит дорогим вином,
и затянется глаз молодой воды
навсегда ледяным бельмом.

Да, в разлуке жить тяжело зимой,
оттого и плачет ребенок мой,
и родиться хочет еще один,
вечность в сторону отложив.
Ты же, злого времени господин,
будешь счастлив, покуда жив.

Белый свет померк, и огонь погас,
в ледяной конюшне стоит Пегас,
кто бы дал бедняге мешок овса
и почистил скребком крыло?
Мне повсюду чудятся голоса:
снегом родину замело.

И летит Пегас об одном крыле,
человек лежит в ледяной земле,
и бредут к нему с четырех сторон
караваны из разных стран.
А в дому, который оставил он,
я никак не закрою кран.

Ну и что с того, что трещит мороз?
Ведь течет вода солонее слез
по заржавленным венам московских труб,
и ребенок хватает грудь.
Ты, закончив смерти тяжелый труд,
не забудь о нас, не забудь.

памяти Наталии Колосовой

Мы не знаем, когда нам придётся
покидать навсегда этот свет...
С неба ливень невидимый льётся
нашей радости, скорби и бед.

Ты от этого ливня промокла
и, наверное, спать прилегла,
а в больничные целилась окна.
словно в сердце, стальная игла.

Сколько горечи в тщетной попытке
разгадать, где скрываешься ты –
то ли с Пушкиным мчишься в кибитке,
то ли смотришь со старой открытки
в ореоле своей правоты?

Ах, Наташа, тяжёлое бремя
избывая, мы верим и ждём,
что исчезнет пространство, и время
станет мелким солёным дождём,

и зажгутся пасхальные свечи.
словно солнце в дали голубой,
и случится великая встреча
всех со всеми. И встреча с тобой.

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ СОКОЛОВА

Смотри, как улетают птицы...

А. Соколов

1.

Две птицы – Блаженство и Ужас –
летят, опереньем горя.

Купаются голуби в лужах
в последние дни октября.

В печальные дни листопада
душе утешения нет,
но грешникам, жаждущим ада,
дарован особенный свет:

он страждущим листьям осенним
несёт долгожданную весть
о том, что чревата спасеньем
тоска, пережитая здесь,

что станут иконою Спаса
осенней листвы вороха,
что тайною смертного часа
очищена бездна греха.

2.

Села на ограду золотая птичка.
Горевать о прошлом – горькая привычка.

Забывать о прошлом – мелкая уловка...
Золотая птичка, светлая головка.

Светлая головка, маленькое тело:
золотая птичка с неба прилетела

и поёт о рае нас, погибших, ради
золотая птичка, сидя на ограде.

3.

Ты плачешь слезами сухими,
с собой расстаёшься навек,
когда превращается в имя
знакомый тебе человек.

Шепчу, содрогаясь от боли:
Вальхалла, Аид и Шеол...
Куда же ты спрятался, Толя?
Куда и зачем ты ушёл?

Звездю серебряно-плоской
украшен под вечер погост,
и плачет в одежде сиротской
по Толе Спартаковский мост.

а он в неземной атмосфере
с нездешнею скрипкой в руках,
как Моцарт, простивший Сальери,
в блаженных плывёт облаках.

4.

Когда нам сказали: пространство открыто,
мы двинулись молча сквозь лес алфавита,

сквозь дебри согласных – шипящих, сонорных,
сквозь заросли знаков – то белых, то чёрных.

Мы двинулись молча сквозь облако гласных,
парящих над миром в одеждах атласных.

Сквозь все языки, диалекты, наречья
прошла говорящая плоть человечья.

Зачем? Чтоб изведать молчанья законы.
Зачем? Чтоб увидеть слова, как иконы,

чтоб вещи увидеть знакомые – им бы
пришлись по душе их словесные нимбы,

увидеть, как голуби на колокольнях
клюют наше прошлое в рифмах глагольных,

увидеть страданье как зону сиянья,
а смерть – как загадочный знак препинанья.

КУЗНЕЧИК И БОГОМОЛ

памяти о. Игоря Цветкова

1.

Среди странных взлётов и падений,
в лунном свете с головы до пят,
богомолы в виде привидений
молча над полянами висят.

Лишь один из них, лишённый крова,
от себя и мира отрешён,
силится обманутое слово
натянуть на лоб, как капюшон.

Но пока он к смысловой палитре
добавляет краску или две,
странный зверь в пирамидальной митре
в разноцветной движется траве.

И пока изгой из богомолов
с именем нащупывает связь, –
торжествует звука странный норов,
жизнь проходит, плача и смеясь.

И среди растений в виде свечек,
ничего не видя впереди,
засыпает навсегда кузнечик
с маленькою арфой на груди.

2.

Близка мне исландская сага,
где скальд воспеваает осот,
где пастырь на склоне оврага
словесное стадо пасёт.

где в зарослях диких растений
под сенью искусств и наук
таится непризнанный гений,
творец паутины – паук.

Блажен, кто в страдании весел.
кто знает таинственный путь,
но трижды блажен, Кто повесил
кузнечнику арфу на грудь.

ВОЛШЕБНАЯ РЫБА

Памяти Этери Басария

Надев златотканую ризу, сидит безутешная мать
и хочет волшебную рыбу для мёртвого сына поймать.

Вокруг неё – травы и воды, и годы страданий и бед,
а в ней – времена и народы, и праведной совести свет.

В руках она держит корзину, в корзине – иголка и нить...
Я знаю – убитого сына боится она хоронить.

И кто её сына помянет там, где громоздятся гробы?
и как её мальчик восстанет при звуке последней трубы?

Но – чудо! Возможность спасенья душа прозревает на миг,
и чаёт она воскресенья при чтении совестных книг.

И призрак последней разлуки не манит её, не зовёт,
и к матери плачущей в руки волшебная рыба плывёт.

СОН В ЛАЗАРЕВУ СУББОТУ

Смерти просты законы.
Взгляд у неё безгневный.
Смотрит на нас с иконы
Лазарь Четверодневный.

Сердце больное ноет:
нет ему в мире места...
Мама тарелки моет,
бабушка месит тесто.

Ставим на стол бутылки:
в сером пальто из драпа
в дом из бессрочной ссылки
нынче вернулся папа.

Руки и ноги целы,
снова он вместе с нами,
только повито тело
белыми пеленами.

Он головой качает,
спрашивает: не ждали?
Бабушка отвечает:
– Где же твои медали?

Видишь, как покосился,
высох и сполз к оврагу
дом твой, пока ты бился
за Сталинград и Прагу?

– Смерть – не моя забота,
Есть от неё спасенье –
Лазарева суббота,
Вербное воскресенье...

Для жатвы был наточен остро серп.
Пшеница колосилась, как эпоха.
Под сенью иерусалимских верб,
а в просторечье – под кустами лоха

стояли мы, и серо-серебрист
был воздух, где мелькали чьи-то спины,
и гусеница грызла узкий лист,
клевали птицы дикие маслины.

Мой ангел, где ты? К нам приходит вдруг
тот, кто нас прежде времени состарил.
Под утро стало видно все вокруг,
внезапный свет в глаза мои ударил.

Передо мной открылся мир иной,
равно прекрасный в муке и блаженстве,
и жизнь моя предстала предо мной
в невысказанном и страшном совершенстве.

Лишь след слезы остался на щеке
да под глазами – тень от крыл совиных.
Большие рыбы плыли по реке,
в них люди жили, словно в домовинах.

А время шло. Вокруг текла вода.
И мертвецы, питаясь пищей скудной,
молились и мечтали иногда,
что смерть пройдет и День настанет Судный.

АНГЕЛЫ ЭТОГО МИРА

1.

Здесь жила когда-то тётя Женя,
хлеб пекла, растила сыновей,
слушала, как в зарослях сирени
пел о вечной жизни соловей.

Приходили мальчики к обеду
и, поев варёной требухи,
принимались к празднику Победы
наизусть заучивать стихи.

Тётя Женя уважала книги
и считала, что куренье – грех,
а свои житейские вериги
прятала старательно от всех.

А ещё в любое время года
у неё от хвори и беды
сохранялись в ящике комода
медный крестик, банка из-под мёда
и бутылъ из-под святой воды.

2.

В этом доме жили Фёдор с Анной,
но в земле нашли себе приют.
Дом молчит, как идол деревянный, –
ждёт, когда хозяев отпоют.

На столе – бутылка водки, вилки,
десять рюмок, каравай ржаной...
Фёдор на случайном фотоснимке
молча обнимается с женой.

И когда надгробное рыданье
станет благодарственным псалмом,
снова Фёдор к Анне на свиданье
двинется во времени ином.

Целый мир в себе скрывает слово.
Так ли в человеческом жильё
прячется за призраком бывшего
будущее благобытие?

3.

Хорошо мне в этой жизни краткой
собирать малину в туюсок,
песни петь и детскою лопаткой
разгребать оранжевый песок.

А потом, как в абсурдистской пьесе,
сыпать в чай прозрачный сахарин
и нестись на всех парах в экспрессе
с Чеховым на остров Сахалин.

4.

Знаю – я б опомнилась едва ли,
страшных не захлопнула дверей,
если б только птицы не собрали
в чашу слёзы вдов и матерей.

Но беда минует землю нашу,
и она излечится от ран.
если только птицы эту чашу
выльют в Ледовитый океан.

5.

Отец семейства, уличённый в пьянстве,
сквозь рюмку водки смотрит на заре,
как молча распадется в пространстве
мир, заключённый в мыльном пузыре.

На письменном столе пылится глобус,
цветут фиалки в скромной красоте,
и медный чайник, грузный, как автобус,
безмолвствует на газовой плите.

И тянется, как долгий путь в Варшаву,
нить прежней жизни, вздетая в иглу,
и держит молча скипетр и державу
Эйнштейн на фотографии в углу.

6.

Когда приходит время листопада
и тонет память в световой пыли.
опять освобождаются из ада
разрушенные атомы земли.

В подземном мире, ясном и двуликом,
где каждый атом – атому родня,
они в своём беспамятстве великом
срастаются, приветствуя меня.

И вижу я без ревности и гнева:
в трепещущем потоке серебра
моя душа, как плачущая Ева,
выходит из Адамова ребра.

7.

Ангел смерти сжалился над нами:
мы в конце зимы в последний раз
будем трогать ледяное пламя,
плавить серебро, дробить алмаз.

Будем плакать и молчать некстати,
сложенные крылья развернём...
Облаченье ивы на закате
вспыхнет ослепительным огнём.

И, оторопев от этих вспышек,
дрогнет сердце, и в последний раз
смерть в короне, как Марина Мнишек,
с удивленьем поглядит на нас.

8.

Что-то говорит на суахили
поседевший за ночь старый клён.
Из-под золотой епитрахили
слышится рыдание и стон:

всем – от муравья и до удода
нужно уходить из этих мест...
И приговорённая природа
прячет слёзы и целует крест.

9.

Торжественно держат каштаны
созревшие за ночь плоды.
скитаются рыб караваны
в великой пустыне воды.

Пора нам подумать о вьюгах,
о праведных ризах зимы,
о рыбах в железных кольчугах,
плывущих в объятиях тьмы,

поскольку никто нам не скажет,
где Мойры и Парки живут,
и что они шьют или вяжут,
и пряжу какую прядут.

Но как в колебаньях эфира
увидеть мелькание спиц
и ангелов этого мира –
дрожащих от холода птиц?

Я никак не пойму смысла этого слова – «свекровь»,
не могу разобрать – кто золовка, кто деверь, кто шурин...
Тихо льётся мука, словно тёплая белая кровь,
вижу: бабушкин лоб почему-то сегодня нахмурен.

Месит бабушка тесто, какие-то шепчет слова,
и святая вода выливается в белую миску...

А за длинным столом примостилась соседка-вдова:
как всегда, по слогам поминальную пишет записку.
То стрекочет сверчок, то собачий доносится лай,
вспоминает вдова, как пришла похоронка на мужа,
а с иконы на нас молча смотрит святой Николай,
на просторах России лютует январская стужа.

Здесь над белой мукою невидимый ангел летал,
сердце бедных детей защищая от смерти и мрака,
здесь когда-то мой дед у святого Матфея читал
родословье Христа: «Авраам же роди Исаака...»

Я не помню его, умер он до великой войны,
знаю: бабушка Библию в старый упрятала китель.

Ну, а я до сих пор всё томлюсь ощущеньем вины,
потому что не знала Твое родословье, Спаситель.

Не могла прочитать я и собственной книги родства.

Умер проклятый век – а теперь уже сделалось поздно.

В палисаднике вновь шелестит молодая листва,
но на лике Святителя брови сдвигаются грозно.

Я в помянник пишу: Параскева, Димитрий, Иван –
и коснеет рука, вспоминая о Божией каре...

Тихо бабушка Марфа садится ко мне на диван.

Помнишь ты, дорогая, кто Зару родил от Фамары?

В окаянных созвучьях метели, в её заунывных напевах
я пытаюсь услышать рассказ о юродивых девах,
в чьих сосудах иссяк золотистый елей.

Ветер воет, как волк на луну. Век становится злей
кровожадной гиены, голодной собаки.

У юродивых дев пять светильников гаснут во мраке.

Ты же, Господи, их пожалей.

Пожалей их, юродивых, словно овец шелудивых,

Нас, Господь, пожалей – обнажённых, худых, нерадивых,
нас, забывших затеплить огонь негасимых лампад,
выбирающих смерть и распад.

Было время сиянья, о, эти мгновения, где вы?

Были дни покаянья как некие мудрые девы,
что безлунною ночью выходят встречать Жениха.

Их сосуды полны драгоценною влагой елея.

Снег лежит на земле, сиротливо и смутно белея,
Закрывая собой незажившие язвы греха.

А когда-то – ты помнишь?– цвели медуница и клевер,

Белый голубь садился на тёплый колодезный сруб,

Как прозрачные тени, слова отделялись от губ –

так, наверно, Господь отделяет пшеницу от плевел.

И не думали мы, по ночам отражаясь друг в друге,

что разбилось былое, как некий скудельный сосуд,

что уже приближается свадебный пир – и на Суд

скоро нас позовут расторопные слуги.

Накануне зимы рыба Аль зарывается в ил.
Перед смертью хозяина зеркало треснуло в доме.
На неделе Страстной над землёй пролетал Гавриил
и увидел: Мария лицо уронила в ладони.

Если Сына распяли, то, значит, убили Отца.
Ночью звёзды на небе – как рваные раны на теле.
Где-то в дебрях пространства заблудшая блеет овца
и нельзя не прислушаться к волчьему вою метели.

А в стакане на полочке – тонкие прутики верб.
Изъясняется время словами языческой клятвы.
И не месяц, не месяц, а остро отточенный серп
так блестит, что подумаешь – много ль осталось до жатвы.

Ты прости нас, Отец, помоги нам, погубленный Сын,
жизнь закончить нельзя ни петлёй, ни разрывом аорты...
Вот Иуда лежит среди серо-зелёных осин,
а над телом его, как крыла, небеса распростёрты.

И опять пробивается свет Вифлеемской звезды,
освещая собой фотографию в старенькой рамке.
На развалинах рек (ибо реки есть храмы воды)
сонмы ангелов светлых возводят воздушные замки.

Спите, милые, спите, я к Богу пойду на поклон,
чтобы вместе со мной вы земного отведали хлеба....
Точат влагу солёную слёзные железы неба
и растут у могилы, обнявшись, берёза и клён.

АКСИОС

1.

Лёжа в своей кровати, «аксиос» говорю
календарю, заплате, бледному фонарю,
бедной сухарной крошке, бабочке и осе,
кружке, губной гармошке, мухе, поскольку все
эти предметы жизни, мелкие существа
славят в своей отчизне тайный закон родства.
вот и щадят их войны, пагубы, забытьё,
ибо они достойны в Царство войти Твоё.

2.

Лёжа в своей постели, «аксиос» я шепчу
мху, соловьиной трели, солнечному лучу,
старому снимку Бреста, трещине на стене,
муке, знакомой с детства, с детства знакомой мне,
лучшей на свете строчке – пропуску в мир иной,
сну в кружевной сорочке с крыльями за спиной,
радуге многослойной, ангелу на пути –
ибо они достойны в Царство Твоё войти.

3.

Я не о тех, кто подвиг свой преломил. как хлеб.
Где они – Рюрик, Хлодвиг, братья Борис и Глеб?
Тянутся, словно птицы, в радужные края
братья мои, сестрицы, дочери, сыновья,
пляшут скворцы в скворешнях, плачут отец и мать...

Разве достоин грешник «аксиос» им сказать?

4.

Лёжа на нижней полке в поезде «Астана»,
я вспоминаю Волги влажные письма.
На золотых, песчаных отмелях у воды –
знаки событий тайных, будущего следы.
Вижу я незнакомца с удочкою в руке,
маленького японца с рюмочкою сакэ,
Вижу я, как стрекозы воздуха ткнут парчу, –
и не таясь, сквозь слёзы «аксиос» – я шепчу.

ПРОШЕДШИЕ ВРЕМЕНА

1.

Ни о чём не спросит и, видимо, не простит...

Имперфект скрежещет, аорист – благовестит,
а поэт из них второпях сколотил строфу,
где таится жизнь, словно детский скелет в шкафу.

Что же это было? Страдание? Страсть? Аффект?
Утекло, ушло, превратилось в плюсквамперфект,
в золотую пыль, в неземную – навеки – синь.
в ледяной санскрит и в литую, как сталь, латынь.

Замолчишь, заплачешь, откроешь на миг окно –
там уже струится влажное волокно,
а в твоей постели, презрев наготу и стыд,
не добившись цели,
прошедшее время спит.

2.

Как славно жить в дому, укрытом снегопадом,
смотреть в окно на снег нездешней белизны...
Сокровище моё лежит со мною рядом,
сокровище моё цветные видит сны.

А в недрах словаря, где слов пасётся племя, –
забвенье и тоска, туман и забытьё.
Я чувствую уже, как исчезает время.

Сокровище моё, сокровище моё...

3.

Как ты знаешь, милый, всегда я живу на грани
немоты и звука, суровой зимы и лета,
мне куда как трудно разобраться в словесной ткани
нашей общей жизни; нащупывать швы сюжета,

узелки завязывать, штуковать небольшие дырки,
к наступленью ночи выращивать сны в пробирке.

Ты меня послушай: страданья – как струны арфы.
Их легко и бережно трогают наши руки.
От дрожанья струн замерзают в озёрах карпы
и едва-едва шевелят плавниками щуки.

Чем суровой время – тем мы с тобой свободней –
хлеб с вином вкушаем и помним про день субботний.

Как ты знаешь, милый, нельзя нам добиться силой,
чтоб зима для тополя сшила пальто на вате,
чтобы этот тополь спасён был порою стылой,
словно юный инок, взыскующий благодати.

Обниму тебя, чтоб заплакать и сном забыться.
В ледяных озёрах на части луна дробится.

А сегодня Волгу назвал ты Евксинским Понтом
и ещё сказал: не нуждается грех в огласке...
Не хочу я знать, что таится за горизонтом,
но хочу я верить, что мы доживём до Пасхи.

У порога нашего Янус стоит двуликий
с золотым ключом. Приближается Пост Великий.

Расставайся, жизнь, со своим драгоценным телом,
избегай объятий, готовься к страданиям крестным,
оставайся, жизнь, в дорогом одеянье белом,
чтобы встать из гроба сияющим днём воскресным.

И с тобою рядом мы в гроб живоносный ляжем,
где на ложе каменном пламя любви дрожало,
и, обняв друг друга, мы смерти навеки скажем:
отвечай нам, смерть, –
где победа твоя и жало?

✞
ПУТЬ ДОМОЙ
✞

Итак, продолжим прерванную речь.
В словах любви струятся водопады,
а ночь уже готовится зажечь
забытых звезд небесные лампы.
Но все, что так мучительно влекло
меня к себе, Господь в огне расплавил.
«Мы видим мир сквозь тусклое стекло,
гадательно», – сказал апостол Павел.
И вновь слезами жизнь моя сорит,
не ведая ни смысла, ни итога...
Но вечность ждет, а время говорит
на языке, украденном у Бога.

Кто там вздыхает и ходит по водам в затоне
в виде крылатого юноши в белом хитоне?
В воздухе кружится бабочка в платьице детском,
слышатся стоны в дремучем лесу соловецком,
а над обломками потом пропахших полатей
в облаке белом Зосима стоят и Савватий.

Кто-то тайком посещает речные заливы
в виде крылатого юноши с веткой оливы.
Вновь над озёрами радуги встали, как арки,
в море разбуженном топят гружёные барки –
нет, не камнями набиты они, не дровами...
На Валааме поникли цветы головами.

Божий посланник приходит сюда, как и прежде,
в виде крылатого юноши в белой одежде,
видит, как с горки весёлые катятся санки
там, где следы оставляли немецкие танки,
там, где когда-то метался и шарил прожектор,
крепости строит среди облаков архитектор.

Кем нам приходится он, этот пламенный зодчий?
Новыми душами дом наполняется отчий.
В чреве у матери плачут бездомные дети,
где им скитаться – на том, ли, на этом ли свете?
Полнится воздух каким-то разбойничьим свистом –
юноша-ангел в хитоне летит серебристом.
Там, в высоте, где звучала небесная арфа,
смотрят на землю, обнявшись, Мария и Марфа.

Я ушла далеко по дороге, заросшей бурьяном,
миновала пустырь, где репейник торчит Д'Артаньяном,
заглянула в окно низкорослой последней избушки –
на стене крепостной в это время палили из пушки.
Тополь рядом с избушкой был светом пронизан багряным,
а в зелёной листве соловей заливался Бояном,
было самое время мне вспомнить о Чёрной Каяле,
но меня зазывали купцы и манили бояре,
и задумчивый князь мне рассказывал детские сказки,
что купцам и певцам не страшны половецкие пляски.
Я плыла по реке, по реке я плыла в половодье,
загоняли коней или в воду бросали поводья
то потомки Трояна, то Велеса юные внуки,
из зелёной воды я тянула прозрачные руки,
с ожерельем на шее, с браслетом на левом запястье
воздух я целовала – и это считала за счастье.
А волна на волну набегала прозрачною кровью,
чтобы в шуме прибоя любовь рифмовалась с любовью.
В доме, брошенном мною, пелёнки над печкой сушились,
а в зелёной траве муравьи и жуки копошились,
и в саду за забором, под старой мичуринской сливой
с толстым томом подмышкой сидел мой отец молчаливый.
Как ребёнок большой, он рассматривал ложки и вилки
и гранёный стакан сквозь стекло от зелёной бутылки.
Мама резала хлеб (о, как сердце усталое сжалось!),
и сестрёнка моя за подол материнский держалась.
Я не знаю сама – фарисея прощает ли мытарь?
Блудный сын Святослава, ты, птиц убивающий Игорь,
или воин безвестный, умерший с улыбкою детской, –
русским золотом выслано ложе реки половецкой.
Все богатства мои спят на дне окаянной Каялы,
чьи огромные волны бывают черны или алы.
А волна на волну набегала прозрачною кровью,
чтобы в шуме прибоя любовь рифмовалась с любовью.

Я пространство земли за холмами теряю из вида –
и выходит из вод не блудница, а дева Обида.
А отец мой, уснув на высокой кровати из тиса,
держит в правой руке, как жемчужину, зёрнышко риса,
чаша с синим вином на квадратной стоит табуретке,
а в пространстве ином над могилой качаются ветки.
Нужно ночью вставать, одеялом детишек укутать,
задремать и очнуться, окончательно всё перепутать,
колыбельную петь так, как листьями плещет осина,
на старинный мотив возвращения блудного сына...

ПУТЬ ДОМОЙ

1.

Ты помнишь, как с тобой мы по дороге шли?
Терялся край земли в сиянье и пыли,
томились листья ив под тонким слоем пыли,
и только облака легко по небу плыли.

Одно из облаков нас, как звезда, вело
по местности простой в знакомое село,
где перекинут мост кирпичный через речку,
где дерево стоит, напоминая свечку.

Там, у оврага, – дом, а в доме – тишина.
Лежит в густой пыли на чердаке икона.
Я знаю, что давно закончилась война,
остался только прах от стен Иерихона,
и рухнула уже Берлинская стена.

А мой отец-солдат через Европу шел,
молилась бабушка, и рыла мать окопы...
И память о былом, как светлый ореол,
таинственно сквозит над картою Европы.

2.

А мы все шли с тобой, и колосилась рожь,
и поле кое-где сияло васильками,
и теплый ветер дул, и пробегала дрожь
по зеркалу реки, и тонкими руками
касалась ива волн, взбегающих на брег,
лягушки квакали в своем речном Париже,
и стрелки на часах вдруг замедляли бег,
но только дом родной не становился ближе.

Мы шли с тобой и шли, и убыстряли шаг,
и щурили глаза от солнечного блика...
Вон там стоит ветла, вон там – растёт овраг,
вон там журчит родник и зреет земляника.

Давай передохнем и спустимся к реке,
умоемся и руки вытрем полотенцем...
Вот-вот возникнет дом, где спит на чердаке
измученная Мать с Божественным Младенцем.

3.

Я помню, как паук висел на волоске,
как утром шел народ к пустому магазину,
как пахла лебеда, как, сидя на песке,
мой дядя из ветвей зеленых плел корзину.

Где волны той реки, где ветви гибких лоз?
Увяли лепестки кроваво-красных цинний...
Их запоздалый цвет уже убил мороз,
и у корней волос чуть серебрится иней.

На мир спустилась ночь, и в облачном кремле
так тихо и светло горит луны лампада.
Раб Божий Николай давно лежит в земле,
оплакан и отпет, – и большего не надо.

4.

Двух осторожных птиц я видела в окно:
сиял в снегу снегирь, как девичий румянец,
а в доме на стене – застывшее кино:
случайный блеск стекла и фотографий глянец.

Синица снег клюет и просится ко мне.
В каком прекрасном сне, в какой волшебной сказке

я вижу целый мир, висящий на стене:
Младенец в люльке, мать, солдат в железной каске?

Вот это – наш погост, а это – город Брест,
здесь – стриженный малыш отважно сел на санки...

У деда на груди – Георгиевский крест,
а у отца – медаль и орденские планки.

5.

Росла в лесу трава, шумел колхозный сад,
скучали лопухи и пыльная крапива.
Ты помнишь, как тому уж сорок лет назад
ты перед сном меня святой водой кропила?

Потом гасила свет, и тихо я спала,
мне чудился во сне какой-то конь и всадник,
невидимых церквей сияли купола,
и свет лила луна на бедный палисадник.

6.

Плачут птицы больные, вспоминают весну.
Я вас, тени родные, перед сном помяну.

Как рыдание арфы, птичий строится стан.
Спят Димитрий и Марфа, Параскева, Иван.

Никакого зазора нет в пространстве ином
между ангельским хором и провидческим сном.

Между сушей и морем, между ночью и днем,
между будущим горем и слезами о нем.

Мне как будто открыли старой хроники кадр:
в безымянной могиле спит солдат Александр.

Сколько воинов верных час свой смертный нашли
в развороченных недрах материнской земли.

Кто отпет и оплакан и Всевышним прощен,
кто невидимым знаком – красной кровью – крещен.

Снег ли в воздухе тает над молчащим селом,
или ива читает поминальный псалом,

или хочет оставить над пространством полей
крест и «Вечную память» вещей клик журавлей?

7.

Вот ребенок на мир сквозь волшебное смотрит стекло:
там деревья омыты дождем, как душа покаяньем.
Каждый лист – изумруд, и прекрасно кругом, и светло,
мир наполнен до края каким-то нездешним сияньем.

Веселится ребенок и зеркальце держит в руке,
зная смысл Благодати, не ведает буквы Закона...
И не видит дитя, что на пыльном лежит чердаке
из разрушенной церкви спасенная дедом икона.

8.

Мой ангел был мне дан, когда пришла весна,
прилипла к сапогам кладбищенская глина,
трава была нежна, вода была пресна,
и набивали цвет крыжовник и малина.

Мой ангел был нездешним светом осиян,
он был изображен с мечом и эдельвейсом.
Еще шумел в крови великий океан,
и сердца стук звучал, как стук колес по рельсам.

Но огонь, вода и Дух преобразили плоть,
и стала вновь земля лишь брэнной оболочкой.
Еще я научусь слагать персты в щепоть –
и сжалится Господь над капитанской дочкой.

9.

Жизнь наша бедная – жалость и милость.
Ива к холодной воде наклонилась.

Плачет, голубка, а ветка одна
хочет коснуться песчаного дна.

В тихом сиянии, в центре вселенной
молится ива в одежде смиренной,

видит сияющий звездный поток,
плачет, надев свой узорный платок.

Плачет о тех, кто с войны не вернулся,
в гибель свою с головой окунулся,

в вечность ушел – и Господь их простил,
Кровью Своей перед сном причастил.

Как же слезам покаянья не литься,
как об усопших живым не молиться,
как не дарить им любовь и тоску
иве-красавице, ветром колеблемой,
воздуху стылому, птице серебряной,
дереву, камню, речному песку?

10.

Будет куст рябиновый пылать,
дань отдав возвышенному слогу...

Дорогие, что вам пожелать –
Ангела-хранителя в дорогу?

За земные тяжкие труды
вы уже рукой коснулись неба.
Вам награда – блеск речной воды
и знакомый вкус ржаного хлеба.

11.

Нам с тобою к лицу слабый отсвет любви и страдания.
День подходит к концу, наступает пора увяданья.

Это в келью души открывается тайная дверца...
Здравствуй, тихий закат моего непокорного сердца!

Я не знаю, о чем в небе птицы кричат, улетая,
как листва, на деревьях сквозит красота золотая,

нам ее не понять, мы еще не простились с весной,
и кого мы пленять будем инеем, льдом, белизною?

Нам пора хоронить то, что умерло в юности, в детстве,
кто нас будет винить в незаслуженном, горьком наследстве?

И сережки ольхи тихим светом горят на рассвете.
За былые грехи наши бедные молятся дети.

Вновь сияет луна там, на дне опрокинутой чаши.
От тяжелого сна отдыхают родители наши,

и тоскуют о нас, и лицо закрывают руками,
талым снегом, листвой, испареньями рек, облаками...

Анатолию Борисовичу Сучкову

Ласточка щебечет: «Где мой суженый?»
и зовёт его что было сил.

На пригорке храм стоит разрушенный,
в нём живёт Архангел Михаил.

Ходят молча мимо храма жители
с детским чувством страха и вины.

Знаю я, что и мои родители
в этом храме были крещены.

Здесь венчались и встречали праздники,
отпевали родичей, как встарь,
а сегодня воробьи-проказники
залетают с улицы в алтарь.

Но в пространстве, где светло и ветрено,
вдруг возник Нерукотворный Лик,
а между Богдановкой и Жедрино
чудотворный стал журчать родник.

Да и мы – уставшие, как водится,
видим в небе как бы сквозь туман
Рождество Пречистой Богородицы
и Её Введение во храм.

С церковью рядом ремесленник бродит печальный:
глину он ищет и стан размещает гончарный.
Рядом, на паперти, голуби ходят кругами.
Вылепил мастер фигурку с крутыми рогами,
ослика белого и голубую синицу,
кисть для художника, а для поэта – цевницу,
вылепил лиру, не нужную грешному миру,
вылепил ангела – бедным мирянам и клиру.

Что-то мне кажется, что-то мне чудится, мнится:
с церковью рядом горбатая бродит травница,
в яркую зелень бросает стальную булавку,
в лавку приносит простую целебную травку:
горький бессмертник, сухой подорожник и млечник,
чтобы заваривал чай себе старый горшечник,
чтоб становилось горшечнику горько и сладко,
и от больного бежала бы прочь лихорадка.

В гибких ветвях воробьи раскричались, как турки.
Старый ремесленник новые лепит фигурки:
двух снегирей на заснеженной ветке рябины,
пойманных рыб, изогнувших блестящие спины,
лепит павлина на древе из райского сада,
лепит Орфея, ведущего душу из ада,
и Моисея с жезлом, источающим воду.
Лепит из глины он грех, поразивший природу.

Мастер уснул, распростившись с земными делами,
церковь стоит и сияет во тьме куполами,
с церковью рядом горбатая бродит знахарка –
ждёт, чтоб ей подали дым от свечного огарка.

Облако в небе, как время, меняет обличье,
глиняный ангел летит, причитая по-птичьи,
тихо летит над землёю, убогой и сирой,
глиняный ангел со сломанной глиняной лирой.

Рядом с закрытой церковью тихо течёт река,
в мокрый песок, как в зеркало, смотрятся облака.

Пахнет из церкви ладаном, а от реки – хвощом.
Знать не дано, не надо нам – кто же здесь был крещён,

кто здесь венчался, каялся, в окна смотрел окрест,
плакал, молился, маялся, тихо целуя крест.

Хлеб на расшитой скатерти, лепта седой вдовы...
Сладко вдыхать на паперти запах земной травы.

Сладко следить, как ласково гладит песок волна,
пишет на нём бессвязные числа и имена.

Окунь ли, белорыбица тихо плывут к хорам,
в речке струится, зыблется белый высокий храм.

Видно, вода напутала – кто же в ней был отпет.
Льётся рекой из купола белый нездешний свет.

Жизнь оставляя здешнюю, тело теряет вес.
Над головою грешною – епитрахиль небес.

Витражами строки заслоняя любовь и природу,
ты сидишь у реки и глядишь на бегущую воду.
В травяном уголке, раздвигая осоку руками,
видишь ты, как в реке пляшет рыба с семью плавниками,
как танцует она, раздвигая алмазные звенья,
а в её чешуе драгоценные пляшут каменя.

Как тебе хорошо заниматься работой тонкой:
выдуть мыльный пузырь,
 чтоб светился он радужной плёнкой,
из цветного стекла сделать желтый нарцисс или крокус,
и при помощи слов показать удивительный фокус:
то, что было желанным, немедленно сделать туманным,
а к невесте жених пусть путем добирается санным –
как когда-то плутал упоительный Пушкин в «Метели»
и для Бэлы покинутой Лермонтов рвал иммортели.

Но потоки бегут от Голгофы, Фавора, Синая:
чрево мира расселось ли, ось ли сместилась земная,
подвигаются горы, встают на дыбы океаны,
и на теле стиха открываются рифмы, как раны.
Если б ведали вы, неразумные дети былого,
что над миром царит человеком распятое Слово,
через все континенты летят океанские брызги,
и у входа в Содом соляные стоят обелиски.

Витражами строки этот мир заслонить не смогли мы:
плачут дети вселенной, как наши сиротские зимы,
но куда пространство еще не свивается в свиток,
мы читаем, рыдая, слова новогодних открыток,
а за ними – вдали – прозреваем уже неземные
тишины водопады, молчанья дожди проливные...

Всё мне в небе чудятся башни, зубцы и шпили,
с красотой они сочетают расчёт и точность.
Но опять плывут облака в византийском стиле,
и врачует зрение пышность их и непрочность.

Ветер лепит в воздухе сотни смешных фигурок,
и они плывут, очертания их нерезки.
На одно мгновенье закроет светило турок
в шароварах длинных, с кальяном и в красной феске.

Неужели приступом турки возьмут столицу,
убивая жителей на площадях Царьграда?
Вижу я, как всадник стреляет из лука в львицу
и идут с корзинами сборщики винограда.

Но лоза увяла, и плети висят сухие...
Я слежу, как в облаке зыблется город-пленник,
а еще я вижу, что в храме Святой Софии
сохраняет в Чаше Святые Дары священник.

Минуло время, когда фиолетовый газ
в воздухе брошенном цвел, как большая фиалка.
Солнце садилось и зеркало прятало нас.
Стены задела огромная тень катафалка.

Снова на нитке болтается красный сургуч,
бедные вещи грехом занимают свальным.
Как ты войдешь, если тело закрыто на ключ,
если глагол в наклоненье стоит ирреальном?

Жизнь продолжается. Куплен обратный билет.
Стража ведет Иисуса на встречу с Пилатом.
Видишь: отчетливо времени явлен скелет –
он ограничен огромным, как мир, циферблатом.

Елене Кувшинниковой

1.

Хлеб с моей руки клюёт синица,
в речке просыпается налим,
а в аду Иуде снова снится
Вход Господень в Иерусалим.

Есть ли миг меж действием и словом
или нет таинственных преград
между Воскресением Христовым
и Его сошествием во ад?

2.

В волнах Волги рыб мелькают спинки,
в гнёздах птицы вывели птенцов,
а народ вдыхает в Крытом рынке
запах сыра, мяса, огурцов.

И солдатик с пачкою «Казбека»
овощной обходит молча ряд,
чтоб купить у старого узбека
символ воскресения – гранат.

После сумрачной встречи случайной
нахожу я неведомо где
отражение Вечери Тайной
в облаках, и в земле, и в воде.

Рву неверную нить разговора
и тоскую в преддверье поста,
если тайное пламя Фавора
обжигает подножье Креста.

Вижу: почки набухли на ивах,
и от паперти невядалеке
так беспомощно прячется Иов
в прокажённом больном старике...

Тело – жалкий, непрочный, земной матерьял –
вдруг вступает с Создателем в бой рукопашный,
ибо всё обретёт тот, кто всё потерял,
поселившись в пустыне, великой и страшной.

Там блуждает песок, словно звук в именах,
воет ветер, листая века, как страницы,
там у черной скалы ищет пищу монах
для потомков орла и детёнышей львицы.

Но пустыня великого сердца страшней –
там отведали Хлеб Иоанн и Иуда,
и ничто никогда не сравняется с ней
в отрицанье Отца и в надежде на Чудо.

СТАНСЫ

1.

И тонкий звездный свет, и отблески костров
лишь тайные следы беззвучных катастроф,
которые – увы – уже случились с нами.
Прошел кислотный дождь, посевы град побил
и вырвался огонь гудящий из могил,
пугая соловья в его древесном храме.

2.

Еще младенцы спят в пещерах женских тел,
но стал небесный свод уже горяч и бел:
не каждому дано решить загадку Сфинкса.
Что брошено в огонь, должно, как мир, сгореть,
кто призван к бытию – тот должен умереть.
Блажен, кто жизнь прожил и с этой мыслью свыкся.

3.

Струится кровь земли сквозь корни темных трав.
Апостол и поэт, пастух и беглый раб
когда-то был мне брат, но он меня оставил.
И чувствую – теперь проходит сквозь меня
сияющий поток эфира и огня:
так грозный Савл ослеп, так встал прозревший Павел.

4.

Так сделан тесный гроб из ивовой лозы,
и в нем плывет мертвец вдоль по реке Янцзы.
Что слышит он сквозь сон? Что в поле воют волки,
и хочется ему проснуться и вздохнуть,
и к берегу пристать, и тихо отряхнуть
приставшие к лицу сосновые иголки.

5.

Так мимо желтых вод, пугая мелких рыб,
по выжженной траве проходит царь Эдип,
он плачет и молчит, молчит и дышит часто.
Он жив еще, но слеп, он пьян от страстных ласк,
а путь его в Аид – увы – не путь в Дамаск.
О, если бы жива осталась Иокаста!

6.

И вот еще один: в волнениях мирских
он крепок, как скала в пустыне волн морских,
и все, что было мной, к нему, как вихрь, стремится.
Телесный свой состав вмешав в земную твердь,
и я, как тот слепец, ощупываю смерть:
где нежный центр ее и где ее граница?

7.

Смерть – это полый шар. И каждый, кто решал
Загадку бытия, тот сам себе мешал
живую воду пить, лежать в пыли горячей.
В зверином круге звезд я вижу двойника
и думаю – куда его влечет река
течением любви телесной и незрячей?

8.

Который год уже за тенью я гонюсь.
Когда я в дом войду и хлебу поклонюсь,
ты не ответишь мне. В своей дали туманной
ты озабочен тем, что мед течет из сот.
А смерть или любовь – игра таких пустот,
что ты выходишь в сад, заросший валерьяной.

9.

Где этот сад разбит? Чуть в стороне от Фив,
где царь Эдип бродил, где в месяце Авив
все небо в облаках, как потолок в побелке.
И проступают вдруг сырые пятна птиц,
а жизнь еще стоит на циферблатах лиц,
но кто, скажи мне, кто передвигает стрелки?

Стало время крещальной купелью,
и теперь, через тысячу лет
вижу я над пустой колыбелью
тихий, влажный, раздробленный свет.

Наше прошлое было ошибкой,
и теперь ты меня не зови –
пусть мерцает над бедною зыбкой
образок материнской любви.

Жизнь горит, как керосин, полыхает синим цветом.
В мертвом пламени осин воздух кажется предметом.

Мать устала, спать легла, ангел складывает крылья,
сквозь немую плоть стекла взгляд проходит без усилия.

Копошится ночь в золе, исхудавшая, как кошка,
остывает на столе кукурузная лепешка.

Только милостив Господь, и на маленьком погосте
обретают снова плоть мертвецов сухие кости.

Какую тайну ты вдруг нашупал,
припав к могучему лону жизни?
Молитва держит небесный купол
над красной глиной в твоей отчизне,
растит могучие корни кедра,
раскаты грома родит глухие,
скрепляет силой земные недра,
сияет солью морской стихии.

Покуда ночью звучат над миром
в лесной глуши соловьёв коленца,
покуда хочет безбожный Ирод
в девичьем чреве убить младенца,
молись дыханьем, молчаньем, словом,
молись, во сне проливая слёзы,
смотри, как в мире, простом и новом,
ныряет ангел в листве берёзы,
как безмятежно смеются дети,
как рад ручей водяному платью...
Живи спокойно на этом свете,
открытым сердцем припав к Распятью.

...меня уже не мучит
ни суетная жажда новизны,
ни темное предчувствие страдания.
Подземный гул грядущих катастроф
меня волной своей не покрывает.
Я чутко сплю и времени внимаю.
Но в это море заходить не след
ни девам, ни поэтам, ни пророкам.
Я только вижу тени легких птиц,
и в странных звуках – небных и гортанных
ищу под утро некий тайный смысл
и нахожу его; я различаю
напор любви в биенье волн о скалы,
я вижу эту страсть и эту влагу,
и соль, которой плакать и сиять
приходится вдоль призрачной волны.
Бог созерцает время поперек,
песок души, как мак, пересыпая
из тела моего в чужую плоть,
а в плоть мою душа чужая льется.
Да, мы с тобой – песочные часы,
над нами ангел плачет и смеется,
и золотые светятся волосы
Его над миром...

Жизнь разрешается от бремени и забывает смерть и боль.
В глазах глаголов – слезы времени, любви сияющая соль.
Уходят снов и звуков лестницы

туда, где свет дневной померк,
где прячут юные прелестницы ночных созвездий фейерверк.
Волна к косе песчаной ластится, целует камни и траву.
Ну, а тебе – какая разница – где я живу, кем я слыву?
Моя душа – как снег нетающий в объятьях бледного огня.
Скажи – зачем звездой блуждающей

когда-то ты назвал меня?

Зачем стекло воды расколото ночным дождем, и столько лет
лежит в земле холодной золото – окаменевший лунный свет?
Летают птицы в небе парами, сияет солнце янтарем,
мой друг, когда мы станем старыми,

когда, быть может, мы умрем,

мы выйдем в сад, где птицы райские сидят в сияющей пыли
и смотрят их глаза китайские на тело чуждой им земли,
где поневоле станут краткими слова, зажатые в горсти;
заплачем мы слезами сладкими

и скажем прошлому: «прости»...

1.

Он тих, но смиренье ему не к лицу,
он ночью заблудшую ищет овцу
в стране, для него неизвестной,
ни другу о нем не скажу, ни отцу,
ни ангелу в тверди небесной.

2.

Кто сыт настоящим, кто будущим пьян,
кому-то судьба не по вкусу,
кто знает, что будет крестить Иоанн,
и мертвой водою греха Иордан
омоет стопы Иисусу?

3.

Мы были как те – не сомкнувшие вежд,
на брачном пиру, но без брачных одежд,
в чаду лихорадки любовной,
и сердцем постичь не могли – почему
возьмут нас и бросят во внешнюю тьму,
где слышен лишь скрежет зубовой?

4.

Давай же, любимый, с тобою пойдем
туда, где не зрением, не слухом,
а любящим сердцем услышим о Нем –
Он крестит людей не водой, а огнем,
и Духом, любимый, и Духом.

5.

Как южная ночь глубока и тиха!
К невидимой ангельской рати
свой лиственный лик обратила ольха, –
и сердце уже не источник греха,
а чистый родник благодати.

СОКРОВИЩЕ ЭТОГО ДНЯ

1.

Мне сон удивительный снится: каштаны уже отцвели, какая-то грустная птица сидит в придорожной пыли, а ветер, как ангел бесплотный, мне шепчет, листвою шурша: когда-то была беззаботной, беспечной и легкой душа, сердечные раны лечила, читая аббата Прево...

Зачем же ты днем расточила сокровище сна своего?

2.

Мне сон удивительный снится: на мир я смотрю с высоты и вижу – в одежду из ситца оделись лесные цветы, а вишни уже облетели – и тонут в зеленых шелках, и сердце в оставленном теле похоже на птицу в силках. Да, память – великая сила, но сердце – сильнее всего...

Зачем же я днем расточила сокровище сна своего?

3.

Откроется мне понемножку какой-то таинственный путь, и жимолость бабочки брошку приколет на пышную грудь, а ива увидит сквозь слезы летучей июньской грозы в растрепанных прядях березы капроновый бант стрекозы. И будет шиповник царапать цветущую веткой меня...

В какое хранилище спрятать сокровище этого дня?

4.

В какую великую книгу сокрыть, уберечь до Суда
стрижей боевую квадригу, подземных кротов города,
зари угасающей алость, воды ледяное стекло
и эту щемящую жалость к тому, что навеки прошло?

Над веткой сирени, быть может, тяжелые пчелы гудят,
и память былую тревожат, и раны ее бередают.

5.

Смиреннее память, чем инок, надменной она, чем гордец.
Но где вы, в каких палестинах, сокровища наших сердец?
В каком вы покое великом нас будете в вечности ждать,
пред Божьим таинственным Ликом

вы сможете ль нас оправдать?

Над райской цветущей долиной верните нам зренья и слух...

Иль вы – только пух тополиный, мерцающий в воздухе пух?

В объятых неба нет желанья власти:
там ласточка висит на волоске,
о смысле жизни, о природе страсти
на варварском щебечет языке.

Ее подруги строят дом на склоне
какого-то убогого холма.
Стоит у речки старый клен в короне,
как стих из покаянного псалма.

В воздушной синеве, по бездорожью
отчаянные носятся стрижи...
Как мне сложить псалом во славу Божью,
невидимая ласточка, скажи?

Как мне найти тот тихий рай под ивой,
тот детский неприкаянный пустырь,
где муравей, монах нищелюбивый,
зовет проворных братьев в монастырь?

Как мне войти вторично в эти воды,
где некогда в безоблачном раю
Священное Писание природы
вошло навеки в плоть и кровь мою?

Дал Господь мне дожить до Успенья.
Слыша сердца последний удар,
получила я голос для пенья
и опасный пророческий дар.

И теперь не с тобой я, а с теми,
кто, как ангелы, нищ и убог.
Отражается в зеркале время –
время Бога и времени бог.

Если кровь, как мгновение, длится,
мы текущую смерть переждем,
а слезам невозможно не литься
бесконечным соленым дождем.

Вот и март наступил. Облечёмся же в тёмные ризы,
упраздняя капризы, поспешно изменим репризы,
перестанем молчать, словно путник в стране неизвестной,
и начнём по ночам шелестеть шелухой словесной.

Словно тать, по стене таракан пробегает настырный.
Белый мел истолчём, и, добавивши спирт нашатырный,
скажем тихо, что жизнь стала нам, как одежда, мала.
Лоскутком из фланели начистим в дому зеркала.

Мы поедем в Хвалынск, а потом в Аркадак и Озинки,
пусть сиреневый лук шевелится в плетёной корзинке.
пусть готовятся яйца сиять золотой скорлупой,
а пространство и время питаются снежной крупой.

Засыпают в реке краснопёрка и синяя щука,
и кипит в котелке шелуха золотистая лука,
и Младенца к груди прижимает святой Симеон,
и сидят на домах разноцветные птицы имён.

Настала ночь – и свет дневной исчез.
Был дар молчанья равен дару речи.
Перед большой иконою небес
каштаны молча зажигали свечи.

Дневная пыль была еще тепла,
и на восток одна река текла,
в другой реке росли воды кристаллы,
как у купца лихого капиталы.

Купец торгует, рыба воду пьет,
и вьет любовь (так птица гнезда вьет)
из наших душ пеньковые веревки.

Держа огонь, как сердце, под полой,
идет торговец пеплом и золой,
а мать ребенка гладит по головке

и говорит: «Ты так тревожно спишь,
а полночь бродит в зарослях малины,
но будет день на кровлях плоских крыш
купать луну и птиц лепить из глины.

К тебе, мой сын, вернется твой отец –
он так давно в горах пасет овец,
что растерял послушливое стадо.
Он с посохом и нищенской сумой
по склонам гор уже идет домой.

А ты не плачь, дитя мое, не надо...»

дочери Маше

Пережитки быта небогатого –
деревянных домиков уют...
Голуби на улочках Саратова
крошки хлеба чёрствого клюют.

Полон воздух запахами пьяными:
месяц май взошёл на пьедестал.
Праздник любования каштанами,
словно день прозрения, настал.

В книге жизни сбита рубрикация...
Что осталось? Только ночь и день,
жёлтая и белая акация,
белая и сизая сирень.

Пьёт японец крепкий чай без сахара,
скучный, как роман Эжена Сю,
и цветёт классическая сакура
где-то там, на острове Хонсю.

дочери Лене

...умирает осень, от ветра скрипит калитка,
и цветёт на клумбе последняя маргаритка,

и висит на ветке яблочко с червячком,
повернувшись к солнцу мёрзлым своим бочком.

Облака плывут, похожие на овечек.
Появился в мире маленький человечек.

Дома ждут младенца глаженные пелёнки,
пузырёк зелёнки, и Лик именной иконки,

и в углу лампадка, и маленькая кроватка,
и грядущей жизни тайнопись и загадка...

Никому не клялся, не лгал, не давал зорока,
по земле ходил, как печальный монах-расстрига...
В виде речки мелкой текла по земле дорога,
и шальные птицы без нот исполняли Грига.

Взяв ковригу хлеба и соли в льняном мешочке,
сколько черствых крох ты оставил в вагонах спальных?
А теперь на праздник ты сыну везёшь и дочке
в золотом ларце скорлупу от яиц пасхальных.

Голубь клюв зарыл в оперенье своей голубки
и воркует, стонет на птичьей своей латыни,
им бы тоже, бедным, склевать по одной скорлупке,
да лихая жизнь приучила беречь святыни.

И земля куда-то под вальс уплывает венский,
голубям шальным не видать твоего подарка –
пусть клюют по крупке слежавшийся снег крещенский
из чужой руки у собора святого Марка.

То, что жизни и смерти дороже,
Я сегодня куплю за гроши.
Что ж ты водишь ладонью по коже –
Шелковистой изнанке души?

Разбежались, вздохнули, застыли
Волны плоские цвета слюды
Кто уснул или умер – не ты ли,
Царь речного песка и воды?

Бог приходит к тебе и уходит,
Сердце бьется и движется кровь.
Все, что в мире с тобой происходит,
Называется словом любовь.

Проступает намеком на чудо
В мертвом дереве тело креста.
Жив Христос, и готовит Иуда
К поцелую сухие уста.

Разодрана храма завеса
ни места, ни времени нет.
Изгнанник из темного леса
покорно выходит на свет.

Нагая река серебрится,
прохладно, и дождь моросит,
а в небе небесная птица
подобно лампаде висит.

Но только распятыя не видно,
не слышно ни звука нигде,
не страшно, не больно, не стыдно
в большой отражаться воде.

И складывать звучные строфы,
прикрыв неживые глаза,
про то, как на череп Голгофы
присядет на миг стрекоза,

из кокона бабочка выйдет,
как света сияющий сноп,
и обе Марии увидят
навек покинутой гроб.

...где крыла берёз над водой дрожат,
где растёт трава на сухих холмах,
в пирамидах времени, где лежат
фараоны в каменных пеленах,

и в провалах памяти, в тех веках,
где так лёгок пепел, горька зола,
где везут этруски на двух быках
в город мёртвых медные зеркала,

где шуршит листвой восковою лавр,
а дорога в гору – пространства бинт –
приведёт на остров, где Минотавр
стережёт разрушенный лабиринт, –

там, в мирах минувших, приюта нет
ни бессмертью жалкому, ни любви...
Есть одна надежда: увидев Свет,
Магдалина скажет Христу: «Равви!»...

НА ПУТИ В ЭММАУС

1.

Если жизнь становится смертным ложем,
торжествует вновь пустоты утроба.
Мы лежим во тьме и понять не можем –
кто отвалит камень от двери гроба?
В помутневшем воздухе стёрты грани
между нашим раем и нашим адом.
На больничной койке, на поле брани
жизнь и смерть, как видно, гуляют рядом.
Не песок, не камни в земном пейзаже,
не приказ царей, не людская злоба –
только наши страхи стоят на страже.
Кто отвалит камень от двери гроба?
И хотя своё торжество когда-то
Ирод-царь отпраздновал в Кесарии,
но уже готовили ароматы
Саломия, Марфа и две Марии.
Не поддавшись страху, тоске, испугу,
шли под сводом неба, смотрели в оба
и шептали тихо во тьме друг другу:
«Кто отвалит камень от двери гроба?»

2.

Мы красили волосы хною иранской
и времени двигали глыбы,
покуда в потоках воды Иорданской
скитались священные рыбы.
Мы пили вино, и сквозь грани стакана
оно пламенело, как рана,
и слёзы любви Галилейская Кана
мешала с водой Иордана.

И мы целовали сквозь кружево шали
в тоске материнские руки,
и вместе небесную пищу вкушали
в преддверии вечной разлуки.
Мы падали, в кровь разбивая колени,
рыдали, как малые дети,
и Богу молились, пока в Галилее
сушились рыбацкие сети.
Плывёт облаков поднебесное братство
прообразом будущей жизни.
О, как нам досталось такое богатство
в земной и небесной отчизне!
На лицах останутся счастье и горе,
как оттиск на ткани убруса,
как вечно хранит Галилейское море
следы от стопы Иисуса.

3.

Если б мы взошли на холмы печали,
мы опять увидеть с тобой могли бы,
как в воде, кипящей семью ключами,
шевелят семью плавниками рыбы.

Стали сны длиннее, а дни короче,
а трава осока – острее бритвы,
и немые звери в мечети ночи
на коленях молча творят молитвы.

Как блестит в кринице вода святая!
Завернулся тополь в листву, как в тогу...
Помнишь, мы на угольный холм в Китае
под покровом ночи нашли дорогу?

Но у них, китайцев, свои законы
и свои драконы в отрогах горных,

и они по-своему бьют поклоны
и встречают солнце в одеждах черных.

Ты себе прибавишь хоть локоть в росте?
Или, может, каменной станешь глыбой?
Лучше вспомни, как дорогого Гостя
угостил апостол печеной рыбой...

4.

В лесах, в горах, на берегу реки,
где ветер и пламя исполняют танец,
где движутся к востоку мотыльки,
как вереницы странников и странниц,
в слезах любви, в сиянии очей
(так дети спать укладывают кукол)
собор каштана с сотнями свечей
возносит к небу свой зелёный купол.

В пустынях тел, во сне, во тьме ночной,
среди растений и жилых массивов,
где снова тварь в ковчег приводит Ной
и где кричит многострадальный Иов,
где падший ангел ловит птицу Рух,
чтобы её во сне увидел инок, –
там ночью лёгкий тополиный пух
летит на юг, свивается в ложбинах,
едва мерцает в воздухе, забыв
отчизну, Бога, прежнее жилище,
летит туда, где Иов, еле жив,
один как перст сидит на пепелище.

Я, как каштан, зажгу свою свечу,
как человек, персты сложу щепотью,
как лёгкий пух, над миром полечу,
касаясь смерти невесомой плотью.

Опять раздастся шумный голос вод,
вздохнёт земля, в ночи заплещет пламя,
в невидимый воздушный хоровод,
как тень, войдёт всё то, что было нами.
И Ной возьмёт топор за рукоять,
чтоб ощутить древесной плоти мякоть,
и будут звёзды плакать и сиять,
а детские глаза – сиять и плакать.

5.

Давай мы построим дом с черепичной крышей,
он будет узкий, длинный, кирпично-красный,
не на песке мы построим его – на камне,
а в основанье серебряный крест положим.
Сначала в воздухе выстроим красный угол,
чтоб было где нам поставить икону Спаса.
Потом мы окна сделаем, чтобы ночью
на нас смотрела звезда под названьем Сатис.
Украсим окна ставнями, на которых
две райских птицы смотреть друг на друга будут.
Мороз-траву я развешу на красных стенах,
тимьян, душицу и алые шишки хмеля,
а рядом с домом выроем мы колодец,
из глубины изведём водяную жилу
и в эту воду серебряный крест опустим,
умоем лица прозрачной земною кровью.
Мы будем молча разглядывать птиц небесных,
траву сухую, бегущее мимо время
и солнца луч, что играет на чистых стёклах.

6.

Два путника в узах печали брели в Эммаус
по пыльной дороге, заросшей травой у обочин.
Трава шелестела, и воздух был горек на вкус,
каймай облаков был пустой небосвод оторочен.

Два путника шли, и уже различали село
там, где у скалы зеленела живая маслина.
Рожковое дерево буйно и пышно цвело,
как знак покаянья для бедного блудного сына.

О, как он боялся приблизиться к дому отца,
сжимая в ладони горошины красного цвета!

Два путника шли – и в груди их горели сердца,
а Кто повстречался им – вовсе не знали ответа.

Вот так бы и нам по обочине жизни брести
под взглядом Отца и под сводом пустынного неба,
пять красных горошин до боли сжимая в горсти,
чтоб лик Иисуса узнать в преломлении хлеба.

7.

Не ночью, а утром, когда небосвод одноглаз,
но волны мятежные уз не отринули брачных,
вы будете видеть толпу насекомых прозрачных –
и радости вашей никто не отнимет у вас.

А ночью, когда над водою взойдёт Волопас
и звёздное стадо погонит куда-то на север,
вы вдруг ощутите, как пахнут ромашка и клевер –
и радости вашей никто не отнимет у вас.

Цветов лепестки так похожи на шёлк и атлас,
как голос прибоя на звук отдалённых рыданий.
Одежда для ангелов сшита из облачных тканей –
и радости вашей никто не отнимет у вас.

Сквозь волны времён приближается Яблочный Спас;
как в хронике века война к довоенной Европе.
Он явится нам, как явился Луке и Клеопе –
И радости нашей никто не отнимет у нас.

*Жаждающий пусть приходит,
и желающий пусть берёт воду жизни даром...*

Откр., 22, 17

На пятой неделе по Пасхе
земля сожжена, как сухарь...
И вновь пастухи и подпаски
отправятся в город Сихарь.

Там каждый – изгой, инородец:
тот – старый, и тот – молодой,
но есть там чудесный колодец,
наполненный чистой водой.

Плывут облака, как охрана,
и, солнечным ядом язивим,
паломник развалины храма
узрит на горе Гаризим.

В одежде из света и мрака,
как вход в неземные миры,
там вечно отец Исаака
стоит на вершине горы.

Но с чувством тоски и опаски
(так зрит на убийцу овца)
глядят пастухи и подпаски
на сына, на храм, на отца.

Но вдруг их невидящим взглядам
иной открывается вид:
с какою-то женщиной рядом
какой-то Прохожий стоит...

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАНУНЕ ПОКРОВА

Возвращение.....	7
«...Адама охватило ликование...»	10
Три стихотворения	
1. «Объяты были пылки... Но в море – посмотри...»	11
2. «Неужели, о Боже, это видела я...»	11
3. «Плода запретного вкушение...»	12
«...и ангел с мечом огневидным не явлен...».....	13
Короткие письма.....	14
«На земных поминках, на звёздной тризне...».....	16
«Внезапно рыбы покажут спины...».....	17
«В этом мире беден и случаен...»	18
«У прошлого запах укропный...»	19
Два разговора о смысле жизни	
1. «Это неба полотенце. Это речка. Это лес...»	20
2. «Это чистая тарелка. Это ложка. Это ложь...»	20
«Кем мне дар завещан слёзный?...».....	21
Возвращение блудного сына	
1. «Я не пойму, сновидец иль мертвец...»	22
2. «Не знаю я, чей дух в тебе живет...»	22
3. «Жизнь, как стакан, насыщена до дна...»	22
4. «Я трижды отвергала дар небес...»	23
5. «Кто был потерян, будет обретен...».....	24
«Над вершиной местного Синая...»	25
«На полях забвения хлеб не скошен...»	26
«Просыпается утром не тот человек, кто спал...»	27
«Как морю сказал Господь...»	28
«Что обрадует зреньё? Узор ли извилистых линий...»	29

Три вариации на темы псалмов	
1. «В храме тела, убогом и тесном...»	30
2. «Глас Господень, рождающий пламень...»	30
3. «Входит смерть, как стакан в подстаканник...»	30
«Длится память моя, как прорытый во времени лаз...»	32
Я буду жить на берегу ручья	
1. «Я буду жить на берегу ручья...»	33
2. «...я буду жить на берегу ручья...»	34
3. «Меж маревом цветов и тонкой мглой морозной...» .	35
4. «В муравейнике памяти, в городе улочек узких...»	36
«Мы выброшены в мир как бы волной взрывной...»	37
«Будем, знать, что прошлое отцвело...»	39
«Задыхаясь, солнце во тьму спешит...»	40
В наших душах есть следы ожога	
1. «Липы в роще – как в комнате мебель...»	41
2. «В наших душах есть следы ожога...»	41
3. «В небе души мечутся нагие...»	42
Между Фабром и Экклезиастом	
1. «В старом доме медленно и долго...»	43
2. «Не припомнить, на каком этапе...»	43
3. «Умирают – жёлты и невинны...»	44
4. «Царь Давид, играя на псалтири...»	44
5. «Страшно мне стихий круговращенье...»	44
6. «Нынче ночью на Сионе лился...»	45
7. «Мы с тобой одни остались в доме...»	45
Над Стеною Плача	46
«Птицы на площади – словно народное вече...»	49
Мы пробуем время на вкус	51
«Октябрь на страже. Близится Покров...»	53
«Не могу понять, по чьей вине я...»	54
«Наступает тёмное время года...»	55
Летит синица через океан	
1. «Связать себя – и обрести свободу...»	56
2. «Смирить себя – и обрести покой...»	57
«Уже пора за стол садиться...»	58

ИНЕЙ РОЖДЕСТВА

«Тянет с севера тленом и холодом...»	61
«Внезапно, как груз на подвижных весах...»	62
«Ветку ясеня, дудочку узкую...»	63
«На тебе, как на арфе, играет Господь...»	64
Вифлеемская Звезда	
1. «К нам зима была жестока...»	65
2. «Ищу я из прошлого выход...»	66
От Крещения до Рождества	
1. «Здесь часто плачут; здесь на Рождество...»	67
2. «Так ты живешь. Среди твоей родни...»	67
3. «И там, в земле, дрожит небесный свод...»	68
4. «Да, в каждом встречном прячется Господь...»	68
5. «В Европе сухо. В Азии метель...»	68
6. «Куда ты скрылся, свет моих очей?...»	69
7. «А снег идет. Невидимой рукой...»	69
8. «Елшанка. Поливановка. Увек...»	70
9. «Бредет к реке измученный народ...»	70
«Тонкая нить светового луча...»	71
Музыка Рождества	
1. «В конце семидесятых...»	72
2. «Есть у шальной метели...»	73
3. «Уж не поёт колядки...»	74
«Сумасшедший рыцарь твердит о любви и браке...»	76
«Смотрит на небо – и видит святой Лука...»	78
«Ветра зимнего шум, разговоры в замёрзших парадных...»	79
«Чуть помедлив, вздохнешь, уходя...»	80
«В Вифлеем опять караваны бредут во мгле...»	82
«Вот окончилось лето и снова настала зима...»	83
«В ночь на трех королей жизнь становится снова ничьей...»	84
«Ещё нам далеко до Рождества...»	85
«Мы в воды медлительной Леты...»	86
«Над изгибами рек, над вершинами гор...»	87
«Среди нашей сиротской зимы...»	88

АНГЕЛЫ ЭТОГО МИРА

«Жили в долг, и Великим постом...»	91
«Мы знаем, что распалась связь времён...»	92
«Стемнело. Месяц молодой...»	93
«Чем кончается жизнь человека...»	94
Нездешний Гость	
1. «Все колеблется, тает и гаснет...»	95
2. «Уже ломает щука хвост...»	95
3. «Да, я боюсь своей души...»	96
4. «Свет неяркий, день короткий...»	97
5. «Клещи, гвозди, молоток...»	97
6. «Изогнувшийся подковой...»	98
7. «В облаке месяц – как турок в чалме...»	98
8. «Над грешною землею застынут облака...»	99
«Солнце мира померкло и в облачной скрылось гряде...» .	100
«Муравьи ли меня между делом...»	101
«Человек живёт на этом свете...»	103
Памяти А. Сопровского.....	104
«Мы не знаем, когда нам придётся...»	105
Памяти Анатолия Соколова	
1. «Две птицы – Блаженство и Ужас...»	106
2. «Села на ограду золотая птичка...»	106
3. «Ты плачешь слезами сухими...»	107
4. «Когда нам сказали: пространство открыто...»	107
Кузнечик и богомол	
1. «Среди странных взлётов и падений...»	109
2. «Близка мне исландская сага...»	109
Волшебная рыба.....	111
Сон в Лазареву Субботу	112
«Для жатвы был наточен остро серп...»	113
Ангелы этого мира	
1. «Здесь жила когда-то тётя Женя...»	114
2. «В этом доме жили Фёдор с Анной...»	114
3. «Хорошо мне в этой жизни краткой...»	115
4. «Знаю – я б опомнилась едва ли...»	115

5. «Отец семейства, уличённый в пьянстве...»	116
6. «Когда приходит время листопада...»	116
7. «Ангел смерти сжалился над нами...»	117
8. «Что-то говорит на суахили...»	117
9. «Торжественно держат каштаны...»	117
«Я никак не пойму смысла этого слова – “свекровь”...»	119
«В окаянных созвучьях метели...»	120
«Накануне зимы рыба Аль зарывается в ил...»	121
Аксиос	122

Прошедшие времена

1. «Ни о чём не спросит и, видимо, не простит...»
2. «Как славно жить в доме, укрытом снегопадом...»
3. «Как ты знаешь, милый, всегда я живу на грани...»

ПУТЬ ДОМОЙ

«Итак, продолжим прерванную речь...»	129
«Кто там вздыхает и ходит по водам в затоне...»	130
«Я ушла далеко по дороге, заросшей бурьяном...»	131

Путь домой

1. «Ты помнишь, как с тобой мы по дороге шли?...»	133
2. «А мы все шли с тобой, и колосилась рожь...»	133
3. «Я помню, как паук висел на волоске...»	134
4. «Двух осторожных птиц я видела в окно...»	134
5. «Росла в лесу трава, шумел колхозный сад...»	135
6. «Плачут птицы больные, вспоминают весну...»	135
7. «Вот ребенок на мир сквозь волшебное смотрит стекло...»	136
8. «Мой ангел был мне дан, когда пришла весна...»	136
9. «Жизнь наша бедная – жалость и милость...»	137
10. «Будет куст рябиновый пылать...»	137
11. «Нам с тобою к лицу слабый ответ любви и страданья...»	138
«Ласточка щебечет: “Где мой суженый?”...»	139
«С церковью рядом ремесленник бродит печальный...»	140

«Рядом с закрытой церковью тихо течёт река...»	142
«Витражами строки заслоняя любовь и природу...»	143
«Всё мне в небе чудятся башни, зубцы и шпили...»	144
«Минуло время, когда фиолетовый газ...».....	145
«Хлеб с моей руки клюёт синица...»	146
«После сумрачной встречи случайной...»	147
«Тело – жалкий, непрочный, земной матерьял...».....	148
Стансы.....	149
«Стало время крещальной купелью...»	152
«Жизнь горит, как керосин, полыхает синим цветом...»	153
«Какую тайну ты вдруг нащупал...».....	154
«...меня уже не мучит...»	155
«Жизнь разрешается от бремени...»	156
«Он тих, но смиренье ему не к лицу...»	157
Сокровище этого дня.....	159
«В объятьях неба нет желанья власти...»	161
«Дал Господь мне дожить до Успенья...».....	162
«Вот и март наступил. Облечёмся же в тёмные ризы...»	163
«Настала ночь – и свет дневной исчез...»	164
«Пережитки быта небогатого...»	165
«...умирает осень, от ветра скрипит калитка...»	166
«Никому не клялся, не лгал, не давал зарока...»	167
«То, что жизни и смерти дороже...».....	168
«Разодрана храма завеса...»	169
«...где крыла берёз над водой дрожат...»	170
На пути в Эммаус	
1. «Если жизнь становится смертным ложем...»	171
2. «Мы красили волосы хною иранской...».....	171
3. «Если б мы взошли на холмы печали...».....	172
4. «В лесах, в горах, на берегу реки...»	173
5. «Давай мы построим дом с черепичной крышей...» .	174
6. «Два путника в узах печали брели в Эммаус...»	174
7. «Не ночью, а утром, когда небосвод одноглаз...».....	175
«На пятой неделе по Пасхе...»	176

Кекова С.В.

К33 Нездешний гость: Стихотворения. – М.: Водолей, 2016. – 184 с.

ISBN 978-5-91763-310-7

В новую книгу Светланы Кековой вошли как стихи прошлых лет, так и новые стихотворения. Лирический и метафизический сюжет книги построен на погружении человеческой жизни в священную реальность. Благодаря этому самые простые вещи и явления открывают своё истинное значение, время и пространство преобразуются, становясь образом вечности, а жизненный путь осознаётся как путь домой.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1

Кекова Светлана Васильевна

Нездешний гость

Стихотворения

Технический редактор *А. Ильина*

Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 15.05.16. Формат 84x108/32. Бумага офсетная
Гарнитура Constantia. Печать офсетная. Печ. л. 5.75

Издательство «Водолей»

127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23

Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>

E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано: Публичное акционерное общество

«Т8 Издательские Технологии»

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

Тел.: 8 (499) 322-38-30

12+

9 785917 633107

